ФАНТАСТИКА
ЕСЛИ
МАРИЯ ГАЛИНА
БАРД
КРИСТИН КЭТРИН РАШ
ДЭВИД БАРТЕЛЬ
ДЖЕК СКИЛЛИСТЕД
АРКАДИЙ ШУШПАНОВ
АНТОН ПЕРВУШИН. КОНЕЦ ДЕТСТВА?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фома встал. Лодка под ногами качнулась, норовя вывернуться, и кэлпи ухватил его костистыми пальцами под локоть. Фома переступил через низкий бортик и зачерпнул ботинком воду. В стороны прянули совсем мелкие полупрозрачные мальки.

— Меня найдут, — пообещал Фома, — и вас всех повесят на деревьях.

— Ой, как мне страшно, — сказал кэлпи.

Фома подозрительно покосился на него. Конечно, им рассказывали про кэлпи. И в школе, и дома. И что они появились неизвестно откуда после Большого разлива. И что первые стычки с людьми обернулись затяжной и выматывающей войной. И что кэлпи чувствовали себя как дома в этом зеленом, заросшем тростником мире трясин и водных рукавов. И что с тех пор, как появились кэлпи, люди больше не знали покоя. И что кэлпи — просто трусы, нападающие исподтишка… и что все разговоры о том, будто кэлпи владеют какой-то там магией — просто враки и сплетни, которые распускают сами кэлпи, чтобы их боялись. И еще о том, что кэлпи никогда не смеются, потому что не умеют. И что они непроходимо глупы, ибо так и не освоили человеческую речь.

- Мария Галина

Мария Галина
БАРД

Кэлпи редко нападали большими группами, а если и нападали, то все больше скрытно. Иногда даже и непонятно: то ли они руку приложили, то ли просто так совпало. Когда какая-то дрянь завелась в фильтрах на станции водоочистки, многие грешили на кэлпи. Тем более, что были смертные случаи. И когда на птицефабрике сдохла вся птица. Старики, которым и впрямь доводилось воевать с кэлпи, говорили, что на них это не похоже. «Кэлпи никогда не вредят исподтишка, - говорили ветераны, многозначительно кивая головами, точно механические игрушки, - кэлпи выходят на бой открыто, так уж у них заведено, у кэлпи». Стариков, понятное дело, никто не слушал. Ведь противник давно уже не выходил на бой открыто. Вообще не выходил.

Против тех, кто скрывается во мраке, есть кордоны и патрули. И часовые на вышках. И ограда под током. Поэтому открытое нападение кэлпи явилось для всех полной неожиданностью. Тем более, что напали на школьный автобус…

Фома как раз погрузился в свое любимое занятие - он думал. Не то чтобы о чем-то конкретном, а так, вообще… Например, что отца переведут на другую работу и они поедут в настоящий город, где дома в несколько этажей, а некоторые такие высокие, что почти достают до туч. В городе много всего интересного, там, например, продается всякая техника, а также самокаты и скутеры, и если он уговорит отца…

Автобус почему-то остановился, а водитель выругался так, как вообще-то при детях не полагается. Затем вдруг стало очень тихо. Потом Доска завизжала. Он никогда не думал, что Доска может так визжать.

Когда завизжала Доска - все поняли, что можно. Теперь уже все визжали и кричали; Фома, не успевший сообразить, что к чему, растерянно хлопал глазами, а в проходе между сиденьями стоял кто-то высокий страшный, и Доска билась у него в руках, точно большая белая рыба.

– Е-оааих-ах, - сказала Доска и всхлипнула.

Высокий страшный чуть отпустил ее, и она сказала уже четче, но все равно всхлипывая:

– Все оставайтесь на своих местах! - И добавила: - Бога ради! Тут кто-то сзади взвизгнул:

– Кэлпи!

И Фома понял, что высокий страшный и вправду кэлпи.

Просто сначала, против света, он показался Фоме черным, но на самом деле он был зеленый, и рука его, лежащая на горле у Доски, тоже была зеленая.

«Вот это да, - флегматично подумал Фома, - кэлпи!» Больше он ничего не подумал, потому что кэлпи сказал:

– Тихо сидеть. Тихо сидеть, и все будет хорошо.

Но тут все опять завизжали и закричали, даже Доска снова тихонько взвизгнула, и кэлпи из-под мышки Доски выстрелил поверх голов. Пули гулко ударили в пластиковую обшивку салона. Осколки пластика полетели в разные стороны, и кто-то закричал уже не от страха, а от боли. Фоме горячий кусок пластика чиркнул по уху - он провел ладонью по саднящему месту и обнаружил, что ладонь вся в крови. Оказывается, в ухе полно кровищи.

«Наверное, кэлпи все-таки очень плохо разбирается в людях, если думает, что так можно всех утихомирить», - подумал Фома.

Но на самом деле кэлпи разбирался в людях не так уж плохо: постепенно крики смолкли, перешли во всхлипывания и жалобное поскуливание тех, кого задело осколками.

– Быстро уходить, - сказал кэлпи, и Фома сначала его не понял, но потом сообразил: кэлпи имеет в виду, что он, кэлпи, скоро уйдет.

Он сказал еще что-то, но тут на крыше автобуса врубилась автоматическая сирена. Вой стоял такой, что Фома потерял способность соображать, однако сирена резко смолкла - должно быть, кто-то снаружи снес ее очередью. В наступившей ватной тишине кэлпи торопливо сказал:

– Один из вас, один, - он высвободил зеленую руку и для верности поднял один длинный палец, - один идти с нами.

– Это же дети, - сказала Доска, всхлипывая, - как вы можете? Нелюди!

– Один… - продолжал кэлпи, и по его лицу стало видно, что он потихоньку раздражается, - который… какой есть…

– Я пойду с вами, - сказала Доска поспешно, - я… вот. Вам заложник нужен, да?

– Не ты, - кэлпи досадливо затряс головой, - который… - Он помолчал и беспощадно заключил: - Кого не жалко.

И Фома понял, что все смотрят на него… …Оцарапанное ухо горело, и второе тоже начало гореть, он сидел, не в силах поднять глаза, а когда поднял, то понял - ему показалось. Никто не смотрел на него. Все смотрели на страшного кэлпи, который вдруг встряхнул Доску, словно куклу, и отбросил ее на переднее сиденье так, что она упала, и юбка у нее некрасиво задралась, обнажив белые ляжки. Фоме стало неловко, но он почему-то

продолжал смотреть, и тогда страшный кэлпи подошел к мальчишке, схватил его за плечо и дернул вверх.

Фома вылетел в проход, запнулся о ноги Доски, а кэлпи еще наподдал ему ладонью, и он вывалился наружу и увидел, что водитель лежит рядом с колесом автобуса, раскинув руки, и что над ним стоит еще один кэлпи с оружием наперевес, и услышал, как где-то далеко на умолкшую сирену их автобуса откликнулась другая сирена… Кэлпи начали торопиться, но даже в этой своей торопливости они были деловиты, как очень большие муравьи. Фому схватили, закинули в кузов грузовичка, туда же попрыгали все кэлпи. Грузовичок сразу же рванул с места, и автобус остался позади, а Фома трясся в грузовике и ничего не понимал, но тоска снедала его, и он плакал от этой тоски, которая не имела к кэлпи почти никакого отношения.

***

Однажды, когда Фома был маленьким, он забрел в лес.

Нет, не так.

У Фомы была одна дурная привычка: он мог часами идти, не думая, куда идет, и что-то бормоча себе под нос. На самом деле он рассказывал сам себе всякие истории, но это не так важно. Тем более свои выдумки он предпочитал держать при себе.

Так вот, он как-то сбежал с урока в подготовительном и, протиснувшись в дырку в заборе (была там такая дырка, все про нее знали, но не каждый мог пролезть), отправился гулять. Урок был по физкультуре, и его опять не взяли ни в одну из команд, гонявших там мяч, а оставили стеречь вещи, хотя совершенно не понятно было, зачем их вообще стеречь. А учитель, бегавший по площадке со свистком во рту, и не заметил, как он ушел.

«Ну и ладно…» - бормотал Фома, переваливаясь на коротких ножках. Он сначала представлял себе, как потеряется и все будут его искать, но эта история слишком хорошо кончалась (на самом деле она совершенно очевидно кончалась хорошей трепкой), тогда он стал думать, что умрет и все будут плакать и говорить друг другу: «Какой хороший мальчик был! А мы его так обижали!» Но ему будет уже все равно.

В общем, он шел-шел по тропинке и попал в лес. Этот лес рос на насыпи, его высадили, когда папа Фомы был еще совсем маленьким, он совершенно не походил на дикие плавучие заросли Дельты, он был домашний, ручной. Вечерами за него

садилось солнце, и верхушки елей чернели, словно вырезанные из бумаги, хотя на самом деле елки были зеленые. Он ткнул разлапистую нижнюю ветку пальцем, и с нее на плотный плюшевый мох посыпалась сухая хвоя. Тут же засуетились внизу крупные рыжие муравьи, начали оттаскивать в сторону упавшие иголки. Фома, присев на корточки, наблюдал за ними, они текли блестящей дорожкой по стволу - одна уходила вверх, другая стекала вниз. Там, внизу, муравьи построили свой замок, замечательный замок с башенками и балконами, и на каждом балконе стоял стражник в блестящих доспехах и с крошечной алебардой в руках и смотрел - не идет ли откуда грозный враг. А где-то в самом сердце замка в крохотной круглой комнатке, обитой шелком, смотрела в маленькое волшебное серебряное зеркальце прекрасная принцесса - не едет ли прекрасный принц откуда-то издалека, через горы, через реки, через страшные топи, где черные воды смыкаются над головой всадника.

С ели упала шишка. Он вздрогнул и поднял голову.

На него смотрела принцесса.

Солнце, проходя сквозь листву, бросало на нее рассеянный свет, и казалось, бледная ее кожа отливает изумрудом. И вся она была - колеблющийся свет и тени. Волосы у принцессы были гладкими и блестящими, словно шкурка выдры, и в них вспыхивали зеленые искры. Она стояла рядом с кустом орешника, придерживая рукой ветку, чтобы та не дергала ее за платье. А платье было зеленым, как листья. «Очень красивая принцесса, только уже большая, - с сожалением подумал Фома, - с ней, наверное, нельзя играть».

– Маленький мальчик, - сказала принцесса, и у губ ее появились прелестные ямочки. - Один. В лесу.

Фома насупился и басом сказал:

– Это наш лес.

– Лес ничей, - возразила принцесса, - вернее, он принадлежит сам себе. А больше никому.

– Мой папа, если захочет, вырубит тут все деревья, - на всякий случай пригрозил Фома.

– От этого лес не станет принадлежать ему, - возразила принцесса, - ему будут принадлежать лишь мертвые деревья.

Фома ничего не понял, но на всякий случай осторожно сказал:

– Дура! Все девчонки - дуры.

Принцесса не обиделась, а рассмеялась и показала ему язык. Язык был острым и розовым. Как у кошки.

– Ты храбрый мальчик, - сказала она. Фома надул щеки и кивнул:

– Да.

Принцесса выпростала из зеленого рукава узкую светлую руку и сказала:

– Подойди ко мне.

– Еще чего, - уперся Фома, вдруг вспомнив об осторожности.

– Глупый, - протянула принцесса, - я тебе ничего не сделаю. Просто поцелую в лоб.

– Пусть девчонки целуются, - сказал Фома.

Принцесса рассмеялась уже в голос и стала похожа на маленькую девочку.

– Боишься? - спросила она, противно сощурив прозрачные глаза. Глаза у нее были серо-зеленые и отражали лесной свет, как два серебряных зеркальца.

– Еще чего, - повторил Фома.

Он переступил через тяжелый блестящий корень, под которым муравьи прорыли себе что-то вроде туннеля, глубокого, с гладкими покатыми стенами; он уходил в недра земли - там, наверное, были сводчатые темные залы и крохотные фонарики, разгоняющие мрак. Даже не фонарики, а жуки-светляки - муравьи разводят их у себя в специальных загонах, а потом освещают свои темные жилища… В общем, он не успел додумать эту мысль, как стоял рядом с принцессой. Та наклонилась к нему и уже не казалась такой высокой. Ее волосы приятно щекотали ему лицо, а серебряные глаза оказались совсем рядом.

Он зажмурился, и когда ее губы коснулись его лба, ему показалось, что это цветочные лепестки - они были сухие и прохладные.

– Фома! - кричал кто-то, продираясь сквозь заросли с треском. - Фома!

Он открыл глаза. Принцессы рядом не было.

Зато был учитель физкультуры, в спортивном костюме, свисток болтался у него на шее, а сам учитель был красный и очень злой. Но когда увидел Фому, целого и невредимого, так обрадовался, что просто схватил Фому за руку, очень больно сжав ему пальцы, и потащил.

– Что же ты! - выговаривал он на ходу. - Как ты мог! Тебе доверили охранять имущество! А ты!

– Я не хочу охранять имущество, - пропыхтел тащимый волоком Фома. - Я хочу играть, как все.

– Для этого надо тренироваться, - сказал обидное учитель, - а ты неуклюжий. Ты ногой мимо мяча попадаешь.

Фома шмыгнул носом.

– Ну, поставлю я тебя на ворота, - говорил учитель, - предположим. Ты ж все мячи пропустишь. Опять будешь ворон

ловить. Тебя пока еще не бьют, по крайней мере. А будут.

– Я вырасту и сам всех побью, - пообещал Фома.

– Они тоже вырастут, - резонно заметил учитель. - Вот в чем штука.

Он задумался.

– Можешь оставаться на дополнительные тренировки, - сказал он, - два раза в неделю. Я сам буду тебя работать. У тебя злость есть. И упрямство. Это хорошо. А вот что ты в облаках витаешь все время, это плохо. И для спорта. И для дружбы. Таких, брат, не любят.

– Меня принцесса поцеловала, - сообщил Фома. - Только что.

– Вот, пожалуйста, без этого, - возмутился учитель. - Этого не надо. Давай договоримся: ты ничего не выдумываешь, а я тебя тренирую. Идет?

– Я не выдумываю, - обиделся Фома.

– Ну… - сказал учитель почему-то шепотом, - я тоже в твоем возрасте… иногда… и мальчишки били. А теперь - вон какие мышцы.

Он закатал рукав и показал, какие именно у него мышцы. Мышцы были так себе, в кино Фома и получше видел… -…Мне не нравится, каким он растет, - сказал папа. - Он все время что-то выдумывает. Ему будет трудно.

– Все дети что-то выдумывают, - возразила мама. - Я тоже выдумывала… когда маленькая была.

– Значит, он в тебя пошел, - сказал лапа, почему-то ласково и совсем даже не сердито.

Фома уснул на диване, где смотрел телик. Фильм был про войну, но он все равно уснул, правда, под самый конец. Или не совсем уснул, потому что слышал сквозь сон разговор родителей.

– Этот его бродяжий инстинкт… Ладно, сейчас он ушел недалеко. А если он проберется за кордоны?

– Как? Мимо патрулей? Впрочем, ладно, я поговорю с ним утром.

– Послушай, - нерешительно сказала мама, - а он не мог… а если и правда он видел кэлпи?

– В лесопарке? - удивился папа. - Откуда? Это нереально. Кэлпи сюда не пробраться. Ни в жизнь.

– Но партизаны…

– Ну, - сказал отец, - партизаны… да ими больше обывателей пугают. Нет, это просто очередная его фантазия. Принцесса… никто не видел женщин кэлпи. Никогда. И потом…

– Это же не значит, что у них вообще нет женщин, - возразила мама.

Отец что-то тихо сказал ей на ухо, и мама, засмеявшись,

шлепнула его по руке.

– И потом, - продолжал отец, - на каком языке она бы с ним говорила? Они не учат наш язык. Принципиально. Или просто не в состоянии его освоить. Ума не хватает.

***

Грузовичок трясся и подпрыгивал на ухабах, - значит, они съехали с бетонки и теперь гнали по бездорожью. Фома лежал в кузове, руки-ноги связаны, сверху навалены какие-то мешки, отчего он мог дышать, только повернув голову набок.

Кэлпи у него над ухом возбужденно переговаривались на своем чудном языке, пахло дымом, горячим железом и чужими разгоряченными телами. Говорили, от кэлпи пахнет. И правда, запашок был еще тот - острый, резкий, как от возбужденных животных. Или змей. Один раз Фома держал в руках ужа; странное ощущение - готовишься схватить что-то скользкое и холодное, а оно на самом деле сухое и даже теплое. И этот жесткий жестяной запах…

Вверх уходили ноги кэлпи в высоких кожаных сапогах, ноги тряслись вместе с грузовичком, и кэлпи тщетно балансировал, стараясь сохранить равновесие. Потом ноги подогнулись, и кэлпи упал рядом с Фомой. Фома сначала думал, что кэлпи просто не удержался и свалился: недаром говорят, что техника им не по зубам, но потом увидел совсем рядом стремительно сереющее лицо и дырку во лбу, из которой вытекала темная, отливающая лиловым кровь. Он в ужасе зажмурил глаза.

Грузовичок еще раз подпрыгнул в облаке сизого дыма. Фому подбросило в кузове, несмотря на тяжелющие мешки; подскочил мертвый кэлпи рядом с ним, голова со стуком ударилась о настил. Грузовик вильнул и остановился, борт с лязгом открылся, с Фомы скинули мешки, и самого его, точно мешок, подняли за руки-ноги и бросили на дно лодки-плоскодонки. Острый нос лодки с шорохом раздвигал сухие рыжеватые стебли на фоне синего неба, стояли на остриях травинок тоненькие полупрозрачные стрекозы. Кто-то черный на фоне синего неба правил лодкой, отталкиваясь черным высоким шестом, сапоги были точь-в-точь как на убитом кэлпи…

Трава шуршала, под щекой у Фомы были теплые, пропахшие смолой доски, в лужице воды рядом с носом плавала мелкая серебристая рыбья чешуя, сзади слышались те же гортанные

голоса - перекликались кэлпи на лодках. Поднялся туман, солнце стало как расплывчатое мутное пятно, но все равно грело, и вдруг ни с того ни с сего на Фому нахлынуло ощущение покорности и тихого покоя, словно стебли, расступаясь перед носом лодки, тихо шуршали: все хорош-шо… все хорош-шо… оч-чень хорош-шо…

Но все было совсем плохо… …Днище шоркнуло, лодка прошла еще немного и стала. Кэлпи выскочил на подмытый берег, втащил лодку на отмель и, наклонившись над Фомой, ловко разрезал стягивающие ноги веревки. Фома подтянул коленки к подбородку и сел.

Лодка прочно укрепилась в наносах песка. Со всех сторон свешивались ветки ивняка, накрывая ее словно шатром. Здесь все было зеленоватым, мягким, переливчатым: на зеленоватой воде отблескивали острые солнечные искры, иногда растягиваясь от мелкой волны в перекрученные восьмерки. Неудивительно, что и сами кэлпи зеленые, подумал Фома.

– Ты, вставай, - сказал кэлпи, обращаясь к Фоме.

Фома сделал вид, что не расслышал или не понял, так и остался сидеть на дне лодки. Черно-зеленая бабочка сорвалась с ветки и порхнула в глубь островка, ее крылья казались исчезающими клочками света и тени.

Кэлпи протянул длинную руку и двинул Фому по уху. В ухе зазвенело. Вдобавок кэлпи двинул по раненому уху.

Фома набрал в грудь побольше воздуха и постарался принять бесстрашный вид. Ухо болело.

«Надо быть мужественным, - подумал Фома. - Как в кино. Надо не говорить ни слова. И смотреть врагам в глаза».

В своих путаных мечтаниях он порой был таким вот героем прошлой войны, совершал с автоматом в руках вылазки в страшные леса, где подгнившие деревья стояли по пояс в воде, и дышали ядовитые испарения с болот, и страшные зеленые кэлпи устраивали в ветвях засады, и хватали его, и пытали, заставляя выдать расположение лагеря, а он, не сказав ни слова, умирал с гордой усмешкой на окровавленных устах.

– Еще в ухо захотел? - мрачно спросил кэлпи.

– Бей меня сколько угодно, нелюдь, - сказал Фома. - Я все равно ничего не скажу.

Кэлпи был несколько ошарашен.

– Не скажешь что? - спросил он.

– Ну… - Фома задумался: а что он и в самом деле может сказать? - Про часовых. Про тайные тропы.

Зачем я сказал про часовых? Они сейчас начнут меня пытать и запытают до смерти. Смогу я удержаться и не рассказать им про

вышки с часовыми или про генераторы, подающие ток к ограде Территорий? Или выдам все, какой позор… никто не будет со мной разговаривать, никто-никто, никогда.

– Ты маленький, - обидно сказал кэлпи. - Маленькие ничего не знают.

– Я не маленький, - сказал Фома. - Я уже в четвертый класс хожу.

– Дурак, - бросил кэлпи.

– Сам дурак, - сказал Фома, - дурак и убийца. Вы убили дядю Эжена.

– Твоего дядю? - удивился кэлпи.

– Водителя школьного автобуса, - пояснил Фома и вытер нос о плечо. - Он был хороший. И его дочка ехала с нами в автобусе. Лисса.

– Он убил двоих наших, - сказал кэлпи. - А потом в перестрелке погибло еще двое наших. Это честно.

– Это нечестно, - возразил Фома. - Вы первые напали.

– Да, - согласился кэлпи, - мы первые напали. И замолчал.

Потом опять сказал:

– Вставай. Пошли.

Фома набрался храбрости, отринул стыд и спросил то, что хотел спросить больше всего:

– Что вы со мной сделаете?

– Ничего, - сказал кэлпи, - ничего плохого. Просто вставай. Иди.

– Вы поменяете меня на ваших пленных?

– У вас нет наших пленных.

Фома встал. Лодка под ногами качнулась, норовя вывернуться, и кэлпи ухватил его костистыми пальцами под локоть. Фома переступил через низкий бортик и зачерпнул ботинком воду. В стороны прянули совсем мелкие полупрозрачные мальки.

– Меня найдут, - пообещал Фома, - и вас всех повесят на деревьях.

– Ой, как мне страшно, - сказал кэлпи.

Фома подозрительно покосился на него. Конечно, им рассказывали про кэлпи. И в школе, и дома. И что они появились неизвестно откуда после Большого разлива. И что первые стычки с людьми обернулись затяжной и выматывающей войной. И что кэлпи чувствовали себя как дома в этом зеленом, заросшем тростником мире трясин и водных рукавов, тогда как люди, напротив, хватались за каждый уцелевший клочок настоящей суши и возводили там свои укрепления и дома. И что с тех пор, как появились кэлпи, люди больше не знали покоя. И что кэлпи -

просто трусы, нападающие исподтишка… и что все разговоры о том, будто кэлпи владеют какой-то там магией - просто враки и сплетни, которые распускают сами кэлпи, чтобы их боялись. И еще о том, что кэлпи никогда не смеются, потому что не умеют. И чувства юмора у них нет. И что они непроходимо глупы, ибо так и не освоили человечью речь.

Из этого следует, говорили в школе, что кэлпи просто опасные животные с относительно высоким интеллектом, вот и все.

– Руки болят? - спросил кэлпи.

– Что?

– Веревка.

Фома пошевелил руками.

– Не знаю, - сказал он. Рук он не чувствовал.

– Стой спокойно, - приказал кэлпи. - Не дергайся.

Фома ощутил не столько даже прикосновение и холод металла, сколько рывок вниз и чуть в сторону, руки сами собой упали по бокам.

– Шевели ими, - велел кэлпи. Фома пошевелил и воскликнул:

– Ой, больно.

– Еще, дурак, - сказал кэлпи. - А то потеряешь руки.

Фома всхлипнул и вновь вытер нос о плечо. Руки были свободны, но слушаться не хотели. Впрочем, он их уже чувствовал - пальцы начало колоть-колоть, словно иголками, ужас до чего больно.

– Я хочу домой, - сказал он и топнул ногой, взбив стеклянные шарики брызг.

– Нельзя, - ответил кэлпи. - Ты нужен нам.

– Я всего лишь мальчик, - признался Фома.

Он всего лишь мальчик. Не большой, не страшный. Он не может совершать подвиги. Не может воевать, как в мальчишеских своих мечтах. Ничего не может. А дома родители, наверное, от ужаса и тоски с ума сходят.

– Отпустите меня, - попросил Фома. - Пожалуйста. И кэлпи ответил:

– Нет.

Корни деревьев здесь изгибались, выступая из воды, на них налипли мягкие зеленые волокна, кто-то плюхнулся в воду, оставив за собой темные бархатистые круги. Под переплетенными ветвями даже днем стоял полумрак. Потом почва пошла вверх, потянуло дымком.

Несколько кэлпи сидели у небольшого бледного костерка, черты суровых лиц чуть смазаны дымом и горячим воздухом, в котелке что-то булькало, запах был неожиданно острым и

приятным. Вкусным.

Кэлпи, как по команде, обернулись к ним. Темные волосы схвачены ремешками, в ушах блестят серебряные серьги в виде блестящих рыбок. Все на одно лицо.

– Садись, - сказал тот, что шел с ним. - Есть хочешь?

– Нет, - Фома помотал головой. Он ждал, что кэлпи предложит поесть еще раз, но тот пожал плечами.

Остальные кэлпи разглядывали его, сощурив глаза цвета нечищеного серебра.

– Этот? - спросил один. Они все говорили на языке Территорий, и это было странно и удивительно.

– Да, - ответил тот кэлпи, что пришел с ним.

– Такой маленький?

– Мы за него положили четверых, - сказал кэлпи.

– Маленький учится, - произнес один из сидящих, - большой умирает.

– Я не стану есть вашу поганую еду, - сказал Фома. - Вы убийцы. Вы жаб жрете.

– Да, - согласился сидящий кэлпи.

– И еще вы пидоры, - сказал Фома, расхрабрившись.

– А что это? - спросил кэлпи с интересом.

– У вас нет баб. Вы, ну, живете друг с другом, - пояснил Фома и покраснел.

– Да, - сказал кэлпи необидчиво.

– В общем, не стану есть вашу говенную еду, - повторил Фома. Получилось почему-то неубедительно.

– Умрешь с голоду, - констатировал кэлпи. - Это не жаба. Это рыба.

– Тебя не обидят, - сказал другой кэлпи и подвинулся, освобождая место рядом с собой. - Ты нам нужен. Садись, ешь.

– Не прикасайся ко мне, урод, - процедил Фома сквозь зубы, сел и взял ложку обеими руками. К пальцам потихоньку возвращалась чувствительность.

Котелок поставили на плоский камень, и кэлпи, соблюдая неведомый Фоме порядок, полезли туда деревянными ложками; светлая древесина светилась в зеленом полумраке. Фоме дали такую же. Он не выдержал, зачерпнул горячий отвар. Еда была неожиданно вкусная - или ему это с голоду показалось?

Зеленый часовой переливчато свистнул из ветвей. Кэлпи насторожились, побросали ложки, потом встали - двигались они осторожно и легко, точно звери или огромные насекомые.

– Что-то случилось? - спросил Фома небрежно, облизывая ложку. «Сейчас придут наши, - подумал он, - и убьют этих уродов. Всех».

– Мертвые приплыли, - сообщил кэлпи. Фома пролил из ложки варево на траву.

В заросли ткнулась лодка. Мертвые кэлпи лежали в ней - руки сложены на груди, лица серые, точно прибрежная глина. У одного на лбу засохла темная кровь.

– Трое, - бесстрастно сказал кэлпи, стоящий рядом с Фомой. Рубаха и штаны у него были из выделанной чешуйчатой кожи - то ли рыбы, то ли змеи, а рыбка в ухе сверкала рубиновым глазом, по этому глазу Фома и отличал его. - Одного мы оставили вам.

– Так вам и надо, - сказал Фома. - Так вам и надо. Струсили, ага? Трусы, похитители детей, убийцы, подлые нелюди. Мы убьем еще, мы всех вас перебьем, мы разыщем вас на ваших островах, мы развесим вас на деревьях…

Алая волна гнева подхватила его и понесла, и сквозь звон в ушах он еле различал, как вода плещет о борта лодки мертвецов.

– Только трусы берут в плен детей. Только трусы нападают исподтишка. Мой отец вас убьет. Он соберет людей и придет за мной. Он сильный. Он пальцами может согнуть железный гвоздь. Он…

Вдруг стало очень тихо. Волны еле слышно плескались о темные борта лодки.

Тот кэлпи, у которого серебряная серьга-рыбка была с рубиновым глазом, сказал:

– Идем. Тебе нельзя. Смотреть нельзя.

Костер прогорел, варево в котелке подернулось жирной пленкой, но Фома все равно взялся за ложку и проглотил несколько кусков. Ему было стыдно, что он не может удержаться, но он ничего не сумел с собой поделать.

– Ваши мертвяки сгниют, - сказал он и опять запустил ложку в котел. - Их съедят раки. И рыбы.

– Раньше, - сказал кэлпи, - мы заворачивали наших мертвых в погребальные пелены, пропитывали смолой… клали в лодку и поджигали. Ночью. Огни плыли по воде. Огни мертвых.

– У вас кончилась смола, - сказал Фома, - и погребальные пелены. Так вам и надо.

– Люди научились находить нас по огням, - пояснил кэлпи. - Огни горели ночью. Высокие огни. Люди били нас с воздуха.

– Так вам и надо, - повторил Фома.

– Теперь мы пускаем лодку по воде днем. Ставим на нее такую вашу машинку. Она срабатывает, когда лодка с мертвецами далеко. Огни загораются далеко. Нас не найти. Мы учимся…

– Все равно мы вас убьем, - сказал Фома. - Вы трусы. Вы бьете в спину.

– Мы воевали храбро, - рубиновый глаз серебряной рыбки

блеснул красной искрой. - Мы стояли лицом к лицу. Против ваших ружей. Мы знали честь. Но вы превратили нас в трусов.

– Вы всегда были трусами, - сказал Фома.

– Вы сделали это, - настаивал кэлпи. - Вы убили наших бардов. - Мы стояли гордо. Мы воевали смело. Барды слагали о нас песни. И мы воевали так, чтобы песни о нас были не стыдные. Чтобы никто потом не мог петь о том, что такой-то из рода такого-то струсил. Но бардов не стало, и нам стало все равно.

– Так вам и надо. Так и надо вашим бардам.

– Вы не соблюдали правила войны. Бардов нельзя убивать. Они неприкосновенны. Но кто-то надоумил вас. Кто-то догадался стрелять в бардов. Охотиться на бардов. Барды не прятались. Их было легко убивать.

– Мне нет дела до ваших вонючих бардов, - сказал Фома.

– Ты не важен, - сказал кэлпи, - барды важны.

Фома вдруг заплакал. Ему было очень стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

– Отпустите меня, - всхлипнул он, размазывая слезы, - пожалуйста. Что вам стоит? Скажете, что я убежал…

– Вы нашли гнездо бардов в Дельте. Вы выжгли его с воздуха, - твердил свое кэлпи. - Больше не осталось бардов. Теперь мы воюем, как вы - подло.

– Мы не воюем подло, - возразил Фома и поскреб ложкой по дну котелка. Оказывается, он сожрал все эту их вонючую еду. И даже не заметил.

– У вас нет правил войны, - сказал кэлпи, - у вас нет чести. Но иногда… - Он задумался. - Иногда вы поете песни. Я сам это слышал. Вы поете песни.

***

Когда Фоме было семь, кэлпи перебили охрану и подорвали цистерны с нефтью.

Фома проснулся посреди ночи, потому что за окном было светло. Багровый колеблющийся свет заливал комнату, простыни на постели казались красными. Далеко за домами горел огонь, что-то бухало, выла сирена, перекрывая дальние людские крики. Фома слез с кровати и подошел к окну: там, вдалеке, черные деревья, крыши домов и наблюдательные вышки четко вырисовывались на фоне яркого разноцветного пламени.

– Мама, что это?

– Отойди, - тут же сказала мама, но не дождавшись, когда он послушается, подбежала, схватила его и оттащила от окна. - Ты можешь пораниться осколками.

– Окно разобьется? - поинтересовался Фома деловито.

– Не знаю, - мама повернулась к отцу, который уже натягивал куртку.

– Что случилось? - спросила она. Голос у нее стал тоненький, как у девочки.

– Похоже, горят цистерны, - сказал отец. - Цистерны с нефтью.

– Кэлпи?

– Может быть.

– Но это же совсем рядом! Как они ухитрились пробраться?

– Кэлпи не дурачки. И они гораздо хитрее, чем о них думают. Они больше не ложатся грудью на пулеметы, как раньше. А мы-то бросили все на охрану новой буровой установки! К ней-то легче подобраться; она в нескольких километрах от Территорий. А они взяли и подорвали цистерны, завтра должен был прилететь грузовоз с Суши, ну, вот…

– А если они вот так… нападут на школу или больницу?

– Зачем? - спросил отец.

– Ну… это же нелюди. Кто может знать, что у них на уме.

– Кэлпи, конечно, не люди, - согласился отец. - Именно поэтому они ничего не делают просто так. Не волнуйся, они не нападут на школу. Никогда. Зачем им это?

– Откуда ты знаешь?

– Я верю специалистам. Кому же еще верить? - он горько усмехнулся, потом сказал: - Ну, ладно, - торопливо поцеловал маму и ушел. А Фоме мама велела вернуться в кровать. Сама она осталась в комнате с ним, но на кровать не села, а продолжала ходить взад-вперед, сжимая руки. То подойдет к окну, то к двери. Так и ходила, Фома уже задремал, а все равно слышал сквозь сон ее шаги. Скрип половиц вторил им.

Во сне Фома смутно видел клубящиеся тучи огня и черных людей, которые, суетясь, как муравьи, разворачивали брезентовый рукав…

Отец вернулся под утро, от него остро пахло гарью, куртка сделалась черной, а лицо черно-красным.

– Я вызову врача, - испуганно сказала мама.

– Врачам сейчас есть чем заняться, - отмахнулся отец.

– Это и вправду кэлпи? - шепотом спросила мать.

Отец устало кивнул и начал стаскивать куртку, при этом досадливо морщась.

– Сволочи. Никого не жалеют. Ни себя. Ни нас. Мама то ли

вздохнула, то ли всхлипнула.

– Что им от нас надо? Почему не оставят нас в покое?

– Это конкуренция, - пояснил отец, - за пространство и за ресурсы. Сначала проигрывали мы, но потом на Суше разработали толковую стратегию, и стали проигрывать они. Но остановиться они не в силах.

– Что же они, - шепотом спросила мама, - так и не успокоятся, пока не…

– Скорее, наоборот, - сказал отец. - После войны их и осталось-то всего ничего. Это они от бессилия.

«Вырасту и убью всех кэлпи», - подумал Фома. Он представил себе, как с настороженным оружием пробирается болотами, где в тине ворочаются огромные рыбы, как уходят вверх частоколы тростника, оставляя лишь узкую синюю полоску неба, и где-то там, в плавнях, на заросших островках, скрываются злобные зеленокожие твари, но он, Фома, сильный и смелый, и у него верные боевые друзья.

Мать звякала чем-то, вполголоса переговариваясь с отцом, пахло спиртом и дегтярной мазью, но Фома уже не слышал - он плыл на легком катере по темной воде, урчал мотор, и плавни смыкались над его головой.

***

Он вздрогнул и проснулся.

От прогоревшего костра тянуло кисловатым дымом, листва была черной, а небо - густо-синим; а ведь дома из окна ночное небо казалось черным, а листва - зеленой. Крупные звезды сияли разноцветными огнями, а раньше он думал, они все одинаковые - белые и холодные.

Он пошевелился на жестком ворохе сухих стеблей тростника. Тело зудело от укусов песчаных блох, правое запястье охватывала причудливо вывязанная петля, веревка другим концом прикреплялась к запястью одного из кэлпи. Сейчас она натянулась и дергалась туда-сюда. Оттого Фома и проснулся.

В сумраке меж черных стволов сновали высокие гибкие фигуры. Он нагнулся и попытался зубами ослабить узел. Веревка была гладкая и скользкая, как змея.

Кэлпи повел рукой, и Фома нырнул к нему головой вперед.

– Сиди тихо, - велел кэлпи и прижал ладонью макушку Фомы, так что тот пригнулся, больно ударившись носом о собственное

колено.

Фома, не сдержавшись, ойкнул, и кэлпи ладонью лениво ударил его по шее. Получилось очень больно.

– Пусти, гад, - сказал Фома и дернул веревку.

Тогда кэлпи еще раз ударил его. Фома сглотнул слезы; боль не главное, главное - унижение. Его били сверстники в школе, но ни разу - взрослые. Ну, отец иногда мог дать ему подзатыльник. Кэлпи посягал на то, что раньше принадлежало только отцу - на право хорошенько стукнуть его, Фому.

– Мы положили четверых, - прошипел кэлпи, - из-за тебя… только попробуй пикнуть, ты, маленькое бледное дерьмо.

И Фома понял.

Этот шум по кустам… тревожные голоса чужаков… Его все-таки нашли. Его сейчас спасут.

– Папа! - крикнул он, прежде чем враг успел зажать ему рот ладонью. Фома изворачивался, пытаясь вонзить в чужую руку свои мелкие острые зубы, но ладонь, как известно, укусить практически невозможно.

Еще один кэлпи бесшумно возник перед ним. Во мраке он казался черным, серебряные глаза сверкали, как два зеркальца.

– Пусти его, - сказал он и махнул рукой. Веревка упала на землю, и кэлпи, намотав конец себе на руку, поволок Фому прочь от костра. Фома упирался, а кэлпи что-то кричал на своем языке, и Фома его не понимал.

А потом кэлпи закричал еще, и Фома понял.

– Стойте, - крикнул кэлпи и поднял руку с обрывком веревки, заставив Фому дернуться и встать на цыпочки. - Вот… вот он… У нас бард!

Кто-то из темных зарослей прокричал что-то в ответ, и кэлпи ответил:

– Да, мы говорим на их языке! Потому что это язык нашего барда! Потому что у нас теперь есть бард! Вот он! Смотрите!

Он еще выше поднял руку, и Фома покачивался - с воздетой рукой, охваченной веревочной петлей, - точь-в-точь марионетка в кукольном театре.

– Мы отступники? - кричал кэлпи, размахивая рукой, и плясала серебряная рыбка у него в волосах. - Это вы отступники! Мы соблюдаем закон! Мы воюем честно! У нас есть бард. А у вас нет.

Он смолк, и наступило молчание. Потом из зарослей что-то сказали, звонко и насмешливо. Фома понял: сказанное относится лично к нему.

– Нет! - сказал кэлпи, и в голосе его Фома уловил чрезмерную напряженную уверенность. - Он может! Он еще молод, но он

может! Сейчас он покажет вам! Мы покажем вам!

Он обернулся к Фоме и опустил руку, и Фома тоже опустил руку, которую высокий кэлпи чуть не вывихнул из сустава.

– Пой! - сказал он Фоме почти умоляюще.

Фома сглотнул и ничего не ответил. Тот, в кустах, злорадно рассмеялся и снова сказал что-то непонятное.

Серебряная рыбка в волосах кэлпи прыгнула, и чужая рука ударила Фому по лицу. Голова мотнулась, рот наполнился соленой кровью. Он упал было, но сволочной кэлпи вновь вздернул его в воздух и поставил на ноги.

– Пой! - прошипел он.

– Я не… - сказал Фома, сглатывая слезы и скопившуюся во рту кровь.

– Пой!

– Сволочи, - всхлипнул Фома, - грязные зеленые твари. Ваши братья - жабы, ваши матери - змеи… И крысы! Водяные крысы! Трусы, падлы, нападаете на мирных людей! Мой папа все равно найдет вас, и убьет вас, и повесит на деревьях… и вы будете висеть, как гнилые плоды, ваши гнилые хари будут клевать птицы, ваши паскудные глаза будут клевать птицы, вы…

Сзади, бесшумные и страшные, подошли кэлпи, у каждого в руках - смертоносный самострел, все они вышли вперед и стояли плечом к плечу, и из-за их спин Фома, корчась на растянутой веревке, в кровь раздирающей запястье, продолжал выкрикивать проклятья, и вдруг он понял, что кричит он один. Все остальные молчали, и напротив, в зарослях, молчали тоже. Потом кусты раздвинулись.

Высокий кэлпи вышел оттуда и, нагнувшись, положил свой самострел на землю. Потом повернулся, крикнул что-то и вновь нырнул в заросли. Фома услышал далекий крик, отразившийся от водной глади, он запрыгал по воде, как мячик, потом - шуршание и плеск от движения рассекающей камыши лодки.

– Гады, - плакал Фома, трясясь и опускаясь на землю, - гады, паскуды, нелюди…

Никто его не держал.

Небо стремительно светлело, а над водой собрался туман, отчего скользящие лодки были похожи на мутные отражения в старом зеркале. Начинался новый день… -…Все равно, - плакал Фома, и печальная рассветная птица в камышах вторила ему. - Все равно… я не буду петь для вас!

– Ты поешь не для нас, - сказал высокий кэлпи. - Барды поют для всех. Они поют о храбрости врагов - и мы чтим врагов. Они поют о трусости друзей - и друзья становятся храбрее. Бард - не оружие в руке воина. Бард - зеркало, в котором мы видим себя.

Ты поможешь нам стать лучше.

– Я не буду помогать вам! Никогда!

Фома вскочил и, оступаясь на песчаных осыпях, бросился к воде. Холодный песок налип на ладони, прилип к мокрым щекам. Кэлпи не двинулись с места.

Вода оказалась неожиданно теплой, руки и ноги просвечивали сквозь нее, будто белые рыбки.

Кэлпи продолжали сидеть у прогоревшего костра, тихо о чем-то переговариваясь. Они не делали никаких попыток остановить его. Плыть было легко, вода, плеснувшая в приоткрытый рот, была тихая и солоноватая, как слезы.

Предутренний серый свет блеснул на мокрой поверхности: бревно так давно путешествовало по рукавам Дельты, что волны, смыв с него разбухшую кору, выгладили древесину, придав ей зеленоватый оттенок. Фома рванулся к этому бревну, которое все пыталось вывернуться из-под рук, и лег на него животом. Пальцы оставляли вмятины на скользкой древесине. Он оглянулся. Кэлпи стояли молча. Белая полоска берега уходила все дальше.

Фома греб руками и ногами, при этом отчаянно всхлипывая. У него было ощущение, что его обманули, но он никак не мог взять в толк - как именно.

На поверхности воды плавали островки мусора, веток, узких подгнивших листьев, перепоясанных зелеными нитями водорослей, в них суетились водяные блохи и мелкие рачки-бокоплавы. Рядом болталось еще одно бревно, темное, скользкое, и Фома сделал гребок, чтобы не врезаться в него. И тут у того, второго, бревна вырос плавник. Острый, с перепонкой, натянутой между уходящими вверх костяными иглами.

Фома сделал еще один гребок - прочь. Плавник сложился, точно схлопнулись спицы зонтика. Страшная спина ушла под воду, оставив на поверхности темный водоворот. Фома подобрал ноги, бревно тут же выкрутилось из-под него, и он оказался в теплой темной воде. Снизу что-то прошло по животу и ногам. Он в отчаянии ударил рукой по воде, подняв круглые серебряные брызги - но такую тварь этим разве отпугнешь?

На сей раз он ощутил острую боль, словно по ноге прошлась гигантская терка. Из глубины поднялось мутное бурое облачко и стало расплываться, расплываться прямо перед его лицом. Еще один толчок - сначала он боли не почувствовал, потом она вернулась, почти невыносимая.

Коротко выдыхая сквозь стиснутые зубы, он сделал мощный гребок к берегу. Рыба ходила под ним, время от времени касаясь плавником живота. Наконец он нащупал ногами дно. Между пальцами продавились серые колбаски ила, острые края ракушек-

перловиц резали ноги. Фома, оступаясь и хромая, оставляя в воде буроватое облачко, побрел к берегу.

Он сел на песок и стал ловить ртом воздух.

Потом осмотрел ногу. Бедро было в частых порезах, кровь стекала по нему, смешиваясь с водой. Один порез был особенно глубоким, он тянулся от паха и до щиколотки.

Кэлпи отделился от остальных, подошел к нему, присел на корточки.

– Больно? - равнодушно спросил он.

Фома всхлипнул и локтем отпихнул тянущуюся к нему руку. Но кэлпи уже держал в сильных пальцах его колено, другой рукой втирая в раны едкую, остро пахнущую мазь.

– Пусти, сволочь, - сказал Фома.

– Это водяной конь, - кэлпи закончил свое дело и вытер ладонь о песок. - Запомни его. И если ты решишься один войти в воду или сесть на любой кусок дерева, он утопит тебя. И раки будут есть твои глаза.

Фома разрыдался. Он больше не стыдился своих слез, он плакал и трясся, размазывая по лицу слезы и кровь из порезов.

– Оставьте меня в покое! Ну чего вы привязались ко мне! Отстаньте, уроды! Я не бард! Я не умею петь. Я вообще не ваш. Я человек. Я даже не знаю по-вашему…

– Это не важно. Мы выучились вашему языку, чтобы ты пел для нас. Пой.

– Как? - всхлипнул Фома.

– Как хочешь.

– Я не буду петь для нелюдей, - плакал Фома. - Вы только и можете, что кур морить. Вот вся ваша доблесть.

Зеленая кожа кэлпи явственно потемнела. Если бы он был человеком, Фома решил бы, что он покраснел от стыда. Остальные кэлпи переглянулись и одновременно выплеснули свои чаши в костер. Костер выбросил круглое облачко пара.

– Если мы нападем отважно, ты будешь петь для нас?

– Я вообще не буду петь, - уперся Фома. В животе у него сделалось пусто, а на сердце - легко. Порезы на ноге горели и отчаянно чесались. - Я лучше сдохну.

Кэлпи вновь переглянулись. Они начали переговариваться между собой, тихо, на своем языке.

Тот, что сидел рядом с ним на корточках, встал, шурша змеиной кожей штанов.

– Я лучше сдохну, - повторил Фома безнадежно.

– Лезь в лодку, - сказал кэлпи.

Фома выпрямился и сжал губы. «Значит, я прав и надо быть твердым, - думал он. - Надо быть твердым, надо быть храбрым. Не

бояться их, вести себя как Леонид-истребитель, неустрашимый боец с захватчиками. Тогда тебя будут уважать даже враги. Я показал им, что не боюсь, что не буду служить им, и они вернут меня домой». Ободранная нога болела, но Фома не проронил ни стона. Правда, похоже, никто не обратил на это никакого внимания. Его враги сидели у погасшего костра, занимаясь домашним и неважным - чинили одежду костяными иглами, плели какие-то веревки, а один вытащил крохотные пяльцы и - вот урод! - начал вышивать на замшевом лоскуте ивовую ветвь.

Почему-то Фома снова почувствовал себя обманутым.

Кэлпи с красноглазой серебряной рыбкой в мочке уха прыгнул в лодку, подхватил шест и резко оттолкнулся, лодка задрала нос и понеслась по темной воде; остров кэлпи остался за спиной, мелькали кучи плавника, плавучие гнезда поганок, мусор, принесенный дальним приливом, заросшие ивняком островки. «Мы плывем домой, - думал Фома в такт ударам шеста, - домой, домой…»

– Высади меня у мола, - великодушно распорядился он, - дальше я сам.

Кэлпи не ответил.

– Мы вас не трогали, - примирительно сказал Фома. - Вы первые начали.

Кэлпи налег на шест. Под днищем лодки прошла, выбрасывая лапки, огромная бледная лягушка.

Откуда-то издалека доносился глуховатый шум, словно там, за зарослями тростника, обрушивалась сама в себя гигантская волна. Остро пахло солью и водорослями.

Фома насторожился.

– Куда ты меня везешь? - спросил он. Перехваченное горло превратило окончание фразы в жалкий писк.

Кэлпи молчал.

Лодка скользнула в узкий рукав меж зарослей, пошла медленнее, трава шуршала по днищу. Меж двумя отмелями была тихая затока, зеленые ветки ивняка полоскались в воде. Тень лодки запрыгала на ребристом песчаном дне. В листве щебетала стайка красногрудых пичуг.

Фома вцепился руками в низкий борт.

– Выходи,- велел кэлпи.

– Не выйду!

– Выходи, - повторил кэлпи и опасно накренил лодку так, что борт, в который Фома вцепился, черпнул воды. Вода была теплая и омыла босые ноги Фомы с налипшим на них песком и дорожками подсохшей крови.

Фома выпрыгнул в воду, которая оказалась ему по колено, и

кэлпи шестом больно ударил его по спине, подталкивая к берегу. Отсюда, с мелководья, было видно, что под переплетенными ветками ивняка открывался туннель, наполненный зеленоватым полумраком.

– Не пойду туда! - Фома бросился обратно к лодке и вцепился в борт. Кэлпи ударил его по пальцам и оттолкнулся шестом от дна, подняв облачко песчаной мути.

– Помни про водяного коня, - сказал он.

– Уроды, - сказал Фома, прижимая к груди болевшую руку. - Сволочи. Мучители.

Кэлпи пожал плечами, еще раз вонзил шест в стеклянистую поверхность воды. Лодка скользнула прочь, под ней, чуть отставая, двигалась по дну ее тень.

Из ведущего в глубь островка туннеля порхнула стайка бледных золотоглазок, какое-то время они роились вокруг лица, потом втянулись обратно в туннель. Фома сел на песок, упершись в колени лбом. Он был совершенно один. Тростник шуршал на ветру. Ш-шур… ш-шур. Если сделать из тростника дудку, она будет говорить голосами утопленников.

Что-то коснулось его босой ступни.

Фома открыл глаза. Солнце играло в мокрых ресницах, коричневые стрелы рогоза перечеркнули небо, а вода теперь плескалась у самых его ног. Песчаную полосу берега съел прилив. «Ну и ладно, - подумал Фома и сердито вытер рукой слезы. - Пусть я утону!» Он представил, как вода подходит все выше, заливает колени, доходит до губ, заползает в ноздри, и вот он уже плывет вниз лицом, в водоворотах, раскинув руки… Маму только жалко. И отца.

Маленькие рыбки, подплывая, щекотали пальцы ног, покусывали их, удивлялись, почему такие соленые. Чуть подальше раздался гулкий всплеск, тяжелое темное тело поднялось из воды и упало обратно. Костистый плавник распрямился, сложился, распрямился…

– Поганые колдуны, - сказал Фома. - Уродские паскудные зеленые гады.

Вдали рокотали, перемещаясь, огромные массы воды.

Фома поднялся (вода доставала ему уже до пояса) и побрел к берегу. Вход в зеленый туннель был теперь совсем рядом, стайка золото-глазок плясала на границе света и тени. Он боялся этого зеленого зева, но деваться больше было некуда - деревья и кусты росли плотной массой, все было перепутано, воздушные корни шевелились не от ветра, а, казалось, сами по себе. В зеленоватом мраке туннеля его кожа сначала стала болезненно-белой, словно в толще воды, потом приобрела прозрачный зеленоватый оттенок.

«Я стал кэлпи!» - подумал он в панике.

Приходилось нагибаться, чтобы избежать прикосновения влажных веток, гладящих его по щекам, словно пальцы. Он опять вспомнил о маме и всхлипнул.

Зеленые стены продолжали сдвигаться. Туннель закончился крохотным слепым отростком, норкой, вроде той, что любят устраивать дети под одеялом. Земля здесь поросла мхом, в котором белели крохотные звездочки; Фома уселся, прижав колени к груди, и провел ладонью по плотному плюшевому покрову. Звездочки тут же осыпались, словно их и не было. Золотоглазки, которые, оказывается, следовали за ним, сгрудились над его головой в плотное стеклянистое облачко.

– Ненавижу воду, - сказал Фома сам себе. - И вас ненавижу, - сообщил он золотоглазкам.

– И мы тебя не любим, - ответили золотоглазки. - Ты смешной, большой и непрозрачный.

– Пойдите прочь, - Фома взмахнул над головой руками, и легкое облачко отлетело к выходу из норы.

Тонкий завитой росток опустился ему на шею, щекотал ее зелеными усиками. Фома, не глядя, отмахнулся от него. Росток ласково дернул его за ухо. Фома обернулся.

Она сидела рядом, подобрав ноги под подол платья, на котором играли отсветы неба и воды. Ее бледные пальцы щекотали ему шею, ласково дернули за волосы.

– Опять ты! - рассердился Фома.

– Маленький мальчик, - сказала она, и бледные губы сложились в улыбку. - Я тебя знаю, маленький мальчик.

– Я не маленький, - возразил Фома сердито. - А ты никакая не принцесса. Нечего врать. Принцесс не бывает.

– Но я и правда принцесса, - сказала принцесса. - Я дочь-сестра королевы, а значит, принцесса. А ты - дурачок.

Она села поудобнее, и стала похожа на девчонку.

– Если ты принцесса, скажи им, чтобы меня отпустили, - Фома вдруг почувствовал, что в носу защипало, а к глазам подступили горячие слезы. «Я все время плачу, - подумал он, - разнюнился, как будто и вправду маленький…»

– Хочешь домой? - печально спросила принцесса.

– Да! - Фома отчаянно кивнул, сбросив ее руку, лежащую у него на макушке. - Хочу! Пожалуйста, пускай они меня вернут домой. Они меня мучают, они натравили на меня своего вонючего водяного коня, погляди, что он сделал с моими ногами…

Принцесса нагнулась и вдруг быстро лизнула его голую коленку. Будто кошка. Язык у нее был розовый и шершавый. Фома, открыв рот, наблюдал, как затягиваются глубокие

подсохшие порезы.

– Теперь хорошо? - спросила она.

Он вытер нос рукой и ничего не ответил.

– Подвинься, - сказала она и села рядом с ним. Они были точно в зеленой сомкнувшейся ладони.

– Меня станут искать, - сказал Фома. - Мой папа найдет меня… он сядет в самолет, он летает на самолете, он однажды меня катал, и полетит над Дельтой, и увидит, где я…

– Не здесь, - возразила она. - Здесь нас с тобой нельзя увидеть. Это запретный остров. Это единственное место в Дельте, которое здесь и не здесь. Его не могут увидеть ваши люди, а мои воины не могут на него ступить. Таков закон.

– А я?

– Ты можешь. Ты бард.

– Я не бард, - возразил Фома. - Я не буду петь тебе, хоть лопни. - И прибавил: - Я сказал.

Потому что так всегда говорят мужественные и молчаливые люди, он читал в одной книжке.

– Ты бард, - возразила принцесса с улыбкой. - Там, на этой мерзкой сухой земле, воняющей железом, ты не мог выполнить свое предназначение. А когда человек не может выполнить свое предназначение, у него высыхает сердце. Я знаю, маленький мальчик.

– Я все равно хочу домой, - сказал Фома, прилагая все усилия, чтобы касаться ее как можно меньше. Она была прохладная и серебристая, кожа отсвечивала зеленью.

– Я не могу тебя отпустить, - сказала принцесса. - Мой народ несчастен. У моего народа не было барда. А им нужен бард.

– Пускай ищут себе вонючего барда в другом месте!

– Маленький мальчик, - сказала принцесса, и ее узкая ладонь легла ему на голую коленку. - Ты очень хороший бард. Просто ты об этом не знаешь. А мой народ без барда стал просто горсткой бродяг и убийц. Ибо некому петь про их подвиги. Некому корить их за постыдное.

Фома молчал, стиснув зубы.

– Ваши люди догадались, что такое для нас барды, - сказала принцесса, и ее рука, точно серебристая рыбка, скользнула по его бедру. - Они стали охотиться на них. Убивать их. А барды не умели прятаться, ибо по законам войны - бард неприкосновенен. Теперь больше нет законов войны, о, любовь моя.

– Пусти, - вскричал пораженный Фома. - Что ты делаешь? Девчонка, дура.

Она рассмеялась. Смех переливался у нее в горле, как вода.

– Обними меня, о большой мальчик, - сказала она. - Обними

вот так. И вот так. Ты бард, ты зеркало чести, ты будешь петь, и мои воины не будут нападать исподтишка, не будут травить колодцы, не будут резать детей в ночи. Они выйдут честно, станут прямо и умрут достойно. Разве ты не заслужил этим благодарность своего народа?

– Я запутался, - пробормотал Фома, чье растерянное «я» ныряло в неведомые прежде глубины. - Ты хочешь сказать… что это хорошо?

– Без благородства нет войны, - прошептала принцесса, и дыхание ее было огнем и льдом. - Может, победят твои люди, может, мои. Но больше не будет резни в ночи. Бард не принадлежит никому, он не принадлежит племени, он не принадлежит даже мне. Бард принадлежит истине.

– Тут что-то не так, - сопротивлялся Фома уцелевшими крохами здравого смысла, - я не… …Вода отражала звезды.

Шел отлив, и длинные белые косяки мелей протянулись меж островками. Спина водяного коня, выступающая из воды, отливала мокрым блеском. Руки и ноги казались Фоме непривычно длинными, он путался в них.

Лодка скользнула к берегу.

– Ты здесь, о бард? - негромко позвал голос. Фома помолчал с минуту, потом сказал:

– Да.

Две темные фигуры посторонились, давая ему уместиться на корме.

– Не прикасайтесь ко мне, уроды, - процедил Фома сквозь зубы.

– Мы и не прикасаемся к тебе, о бард, - ответил кэлпи негромко. - Ты сейчас запретен для нас. Весь остров запретен. Это место только для таких, как ты. Для бардов.

– Кто там был? - спросил Фома нерешительно.

Кэлпи переглянулись. Фома вытянул шею, вглядываясь в их лица в ожидании ответа, но кэлпи молчали. Шест ударился о воду, звезды плясали на воде, разбиваясь на мелкие осколки.

– Там, на острове, - сказал Фома, - я был взрослым. Я был большим. Она сделала меня большим. Что она со мной сделала?

Кэлпи молчали.

– Я хочу домой, - неуверенно сказал Фома. Он путался в своих руках и ногах, никак не мог уместиться на скамье - верните меня домой.

Кэлпи молчали.

– Ненавижу вас, жабы, - прошипел Фома.

Кэлпи молчали. Фома вытянул длинные руки и толкнул одного из них. Кэлпи, не удержавшись, кувыркнулся в воду.

– Вот так, - сказал Фома. Он выпрямился в шаткой лодке, перехватил шест у второго кэлпи и с размаху ударил его по спине. Кэлпи сложился пополам, мягкий, словно тряпичная кукла.

– В воду, - приказал Фома.

Кэлпи обернул к нему темное лицо с раскрытым ртом, но не издал ни звука.

– В воду, - повторил Фома и толкнул того концом шеста поддых.

Кэлпи с громким всплеском упал спиной вниз.

– Помни про водяного коня! - сказал Фома темноте. - Помни про водяного коня!

Он толкнул в дно шестом. Лодка развернулась носом к зареву на горизонте - дальним огням Территорий, ее домам, шахтам и наблюдательным вышкам. Плыть приходилось против течения, Фома налегал на шест, лодка то и дело норовила вывернуться из-под него: и как только эти чертовы педики ухитряются править такими неустойчивыми штуками?

– Я плыву домой, - пел Фома, не думая о том, что голос его скачет по воде, точно мяч, - плыву домой. Меня взяли в плен кэлпи, зеленые мерзкие кэлпи, но я сумел убежать. Первого я ударил рукой, второго ударил шестом! Они упали в воду, в черную воду, теперь их съест водяной конь! А я один стою в лодке, отталкиваюсь шестом от дна, сонные рыбы уходят прочь, зеленые жабы в страхе бегут от моего шеста. Я видел невиданные места, моя отвага чиста, и я плыву сквозь ночь…

Он поймал себя на том, что не может остановиться. Песня распирала его, как насильно удержанный в груди воздух. Зарево приближалось, и вместе с ним явственно повеяло запахами железа и дыма; это дом так пахнет? Небо светлело, вода перед носом у лодки собралась в складки.

Территория обозначила себя ржавыми фермами, встающими из воды, на перекладинах повисли зеленые пучки водорослей. Дорожки дальних огней бежали по воде, сходя на нет у его лодки, он поднял голову и увидел, что звезды, потерявшись в этом зареве, сделались маленькими и жалкими.

Сторожевая вышка росла из воды, обзорная площадка на бетонном столбе; чуть ниже - гладкая жестяная опояска. Говорили, что по ней проходит ток, который отключается лишь во время смены часовых. Площадка ощетинилась стволами пулеметов, а были еще (Фома слышал об этом) снайперы, ради тренировки убивающие рыб, прячущих в глубине свои темные спины.

А это значило, что он в безопасности!

Он выпрямился в лодке, расставив ноги, чтобы сохранить равновесие, поднес руки рупором ко рту и крикнул:

– Эй!

Эхо отпрыгнуло от поверхности воды и вернулось ему в руки. Следом за эхом в руки ему ударил сноп брызг. Выстрел был словно треск сухой ветки, он даже не сразу понял, что это выстрел.

– Стой, где стоишь! - отозвались сверху.

– Я свой! - крикнул Фома, и голос его сорвался. - Свой! Меня похитили кэлпи! Вчера! Нет, позавчера…

– Придумай что-нибудь более умное, - посоветовали сверху. Перед носом лодки поднялось сразу несколько крохотных фонтанчиков.

– Назад! - предостерегли сверху напряженным злым голосом.

– Меня зовут Фома, - закричал Фома. - Фома Белаква! Вы должны знать! Мой папа - инженер на станции очистки воды. Его зовут Георгий.

– Сколько тебе лет, парень? - крикнули сверху.

– Девять! - ответил Фома.

– Выдумай что-нибудь поумнее, дурень, - сказали сверху, и еще один фонтанчик взвился у ног Фомы. На сей раз пуля ударила в днище, и сквозь крохотную дырочку плеснула вода. - Ты выглядишь на все двадцать.

Фома растопырил пальцы и поднес к глазам свои большие руки.

– Решил отвлечь нас, так? - вторая дырочка появилась в днище рядом с первой, осколок дерева оцарапал Фоме щеку. Видно было, как вода плещется по дну лодки.

– Не надо! - крикнул Фома. - Пожалуйста!

Третья пуля легла меж двумя первыми - в днище образовалась здоровенная промоина.

– Я безоружен, - взмолился Фома.

– Ты-то? Да ладно!

Молчание повисло между сторожевой вышкой и лодкой. И вдруг Фома понял, что это молчание вот-вот прервется звуком выстрела и шлепком пули, мягко входящей в плоть.

– Не надо, - повторил он. - Пожалуйста, не надо! Я всего лишь маленький мальчик! Я говорю правду! Я…

– Молись, урод! Ты, выро…

Часовой охнул и смолк.

Фома вдруг понял, что вокруг совсем светло, и увидел: в узкой смотровой щели точит, покачиваясь, стрела с зеленым оперением. Вторая лодка вынырнула из дальних зарослей и тут же ушла обратно, в спасительный частокол тростника. Фома

прыгнул в воду и сделал несколько отчаянных гребков.

«Водяной конь! - подумал он в ужасе. - Водяной конь…»

Он нырнул как можно глубже, с открытыми глазами, изо рта рванулись к поверхности серебряные пузырьки. Далеко над головой что-то сказало «так-так-так». Пули прошли рядом с ним - кусочки металла в стеклянистой оболочке из пузырьков, словно коконы пауков-серебрянок.

Дно второй лодки висело над головой, он отчаянным усилием выставил из воды руку и кто-то схватил эту руку за запястье длинными цепкими пальцами. Переваливаясь животом, кашляя, Фома упал в лодку. Тот, кто тащил его, покачнулся, откинулся назад, в ухе - серебряная рыбка с рубиновым глазом, во лбу - черная дыра… Еще двое кэлпи одновременно ударили шестами, лодка скользнула по воде, как пущенная из лука зеленая стрела.

Фома сидел на дне лодки, обхватив колени руками, и трясся. Он никак не мог заплакать. Где-то далеко, надрываясь, выла сирена. Кэлпи отложил шест и обернулся к нему.

– Ты нам должен, - сказал он и ударил Фому по лицу.

Голова Фомы мотнулась, из носа потекли две струйки крови, но он промолчал, только вытер верхнюю губу.

– Из-за тебя слишком много смертей, - сказал кэлпи сквозь зубы и опять занес руку для удара.

Второй положил ему руку на плечо.

– Это наш бард. Это все-таки наш бард!

И тут Фома заплакал - отчаянно, взахлеб, вытирая руками злые слезы.

– Что вы со мной сделали? Зачем! Я вас ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Кэлпи, тот, что сдержал удар своего напарника, проговорил:

– О наш бард, о наш любимый. Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

Что-то в груди у Фомы лопнуло, словно горячий пузырь, дышать стало легче, и он, уже не стесняясь слез, отчаянно припал к груди своего врага.

– Встань, Белаква. Повтори, что я сказал.

Хромоножка в раздражении прошелся взад-вперед. Говорили, вместо одной ноги у него протез. Говорили, когда-то, давным-давно, он нарвался на минную растяжку.

Фома в растерянности хлопал глазами. Мыслями он был далеко, Хромоножка застиг его врасплох. Справедливости ради надо сказать, что это ему удавалось довольно часто.

– Белаква очень занят, - съязвил Хромоножка. - Белаква считает мух. Он у нас большой ученый, верно, Белаква?

Ученики охотно рассмеялись. Они всегда смеялись таким шуткам Хромоножки, потому что это было безопасно и весело.

– Так о чем я только что говорил, Белаква?

Фома изо всех сил скосил глаза, заглядывая в тетрадку соседа.

– Что никаких Территорий раньше не было. И Метрополии тоже. Вернее, вся земля была как одна сплошная Метрополия. Потом уровень воды повысился, а изотерма подвинулась…

– Изотерма подвинулась, - ядовито сказал Хромоножка, - понятно. Почему же, как ты выражаешься, изотерма подвинулась, Белаква?

– Льды потаяли, - сказал Фома.

– Садись, Белаква, - разочарованно велел Хромоножка. - Так вот… В результате того, что уровень моря заметно повысился, значительная часть континента оказалась под водой, образовав Дельту - залитую водой низменность с многочисленными рукавами-протоками и своеобразной флорой и фауной. Численность человечества сократилась на несколько порядков, сейчас она насчитывает около десяти миллионов, из которых две трети проживают на остатках суши, когда-то бывших высокогорьем. Остальные… Сколько, Белаква?

«Да что он ко мне прицепился, в самом деле?» - подумал Фома.

– Три миллиона, - ответил он, произведя в уме нехитрые подсчеты.

– Проживают на так называемых Территориях, искусственных, насыпных, укрепленных сооружениях, чье назначение… Как называются ресурсы, ограничивающие численность, Белаква? Встань, когда с тобой разговаривают!

– Ли… как-то, - честно сказал Фома.

– Лимитирующие. Так вот, для человечества такими ресурсами являются… Слушаю, Белаква…

– Нефть, - сказал Фома, - углеводороды. Металл… Ну… еще еда.

– Белаква у нас интересуется не только мухами, - сказал Хромоножка. - Белаква у нас интересуется едой.

Ученики опять засмеялись, хотя Фома вовсе не был жирным.

– Территории представляют собой области добычи и первичной переработки нефти, а также других полезных ископаемых. Однако, - он вновь прошелся, делая вид, что не замечает Фому, в тоске переминавшегося с ноги на ногу, - до недавних пор Территории находились под угрозой вследствие постоянных нападений кэлпи. Кто такие кэлпи, Белаква?

– Враждебный вид, - ответил Фома.

– Ученые до сих пор спорят между собой, и так и не пришли к единому мнению относительно происхождения кэлпи, - продолжал Хромоножка. - Некоторые полагают, что кэлпи - деградировавшие представители человечества, вследствие мутаций негативного характера утратившие разум, культуру и руководствующиеся примитивными инстинктами. Другие же полагают, что кэлпи - мутировавшие представители какого-то иного вида, например, ластоногих, а их сходство с людьми является чисто функциональным, сформировавшимся благодаря сходному образу жизни. Как называется такое сходство, Белаква? Фома молча хлопал глазами.

– Садись, два, - с удовольствием сказал учитель. - Такое сходство называется гомологией.

Фома молчал, уставившись в стол.

– И нечего так смотреть… Фома поднял голову.

– За что вы меня так ненавидите, Густав Томазович? - спросил он. - Может быть, вы тоже… тогда отвлеклись, задумались о чем-то и нарвались на растяжку? Растерялись, свернули не по тому рукаву… Вы тогда считали мух, а теперь ненавидите меня, ведь не можете же вы ненавидеть себя.

«Что я такое говорю?» - подумал он в ужасе.

В классе стало очень тихо. Ученики уставились на Фому, рты у всех приоткрылись, отчего ему показалось, что у них три глаза - два на обычном месте и один под носом.

– Во-он! - закричал Хромоножка не своим, каким-то бабьим голосом.

Фома сопя стал выбираться из-за стола.

– И еще мой папа говорит, - сказал он, - что кэлпи умнее, чем кажутся… И что кэлпи были всегда. Еще давным-давно, когда суши было много. Просто редко показывались людям. Они тогда

воевали между собой, сказал папа, а нас боялись. А когда людей стало мало, вышли из укрытий. Это просто наши дальние родичи, которые в незапамятные времена пошли по своему пути… и еще…

– Передай своему отцу, чтобы он зашел ко мне, - сказал Хромоножка уже своим голосом, - а сейчас выйди из класса.

И Фома двинулся по проходу между столами.

Кто-то из учеников запустил ему в спину огрызком яблока.

***

– Я не пойду, Элата…

Фома уселся на песок, обхватив руками колени, словно бы замкнув свое решение в телесный замок.

– Ты должен, - сказал Элата. - Ты наш бард.

– Я не ваш, - ответил Фома. - И не бард. Вы ошиблись, Элата. Вам нужен был не я. Я совсем не умею петь. У меня слуха нет. Даже мама просила, чтобы я не пел, когда она дома.

– Тебя выбрала дочь-сестра, а она не могла ошибиться. И ты наш. Мы любим тебя, - значит, ты наш.

– Любите? - спросил Фома горько. - Вы украли меня. Вы напустили на меня вашего водяного коня. Вы что-то сделали со мной там, на острове. Я стал большим и остался маленьким.

– Это дочь-сестра, - пояснил Элата шепотом, прикрыв рот рукой. - Это ее магия. И мы любим тебя, Фома. И разве прежние твои сородичи не насмехались над тобой? Разве они просили тебя спеть? Делились с тобой последним?

Фома молчал.

Элата пожал плечами. Говоря, он крепил к носу лодки потайной фонарь из плавательного пузыря рыбы-пластуна.

– Бард любим и неприкосновенен, - говорил он, не прерывая работы. - И мы примем меры, чтобы твои же сородичи не выстрелили в тебя, Фома. Мы научились.

Фома подумал.

– Я могу спеть вам сейчас, - сказал он, - обо всем, что вы хотите. И вы отпустите меня потом?

– Ты уже пытался вернуться к своим, - Элата покачал головой. - И что из этого вышло? Ты будешь петь только о том, о чем сам захочешь, Фома. Никто не говорит бардам, что им петь.

– Никто? - Фома вытер нос рукой. - А если я спою вам, чтобы вы не воевали?

– Бард поет о подвигах, - сказал Элата. - Он поет о войне, о горячей крови, о храбрости друга, о доблести врага. А иначе какой же он бард?

Элата был очень горд. Это его гнездо нашло барда, хотя бы и среди проклятых белоруких, а значит, будет славный бой, и остальные признают его, Элаты, первенство. Уже два гнезда присоединились к ним.

Получается, что, когда Фома мечтал о том, как вырастет и станет героем-разведчиком, вроде Леонида-истребителя, и будет пробираться по плавням, по их затокам и рукавам, кэлпи тоже мечтали о том, чтобы красться по затокам и рукавам и убивать людей? Получается, его правда равна их правде? Как это может быть? И значит ли это, подумал он вдруг, значит ли это, что кэлпи тоже не совсем взрослые?

– Зачем вы вообще воюете с нами? - попробовал он подойти с другой стороны.

На уроках истории Хромоножка говорил, что люди прежде воевали друг с другом. Казалось бы, должно быть наоборот - ведь земли тогда хватало на всех, но Хромоножка говорил, что люди научились жить в мире, только когда их осталось очень мало. Потому что им пришлось сотрудничать, чтобы вместе добывать уголь, железо и нефть. Может быть, теперь кэлпи не воюют друг с другом, потому что их тоже осталось мало. А может быть, подумал Фома, люди теперь не воюют с людьми, потому что появились кэлпи?

– Люди убивают нас, - сказал Элата, - они травят нашу воду. Они втыкают железо в заповедные острова. Они ставят мины в протоках. Глушат нашу рыбу. Ловят нашу птицу. Они убили наших бардов.

– Людей мало, Элата, - повторил Фома то, что думал.

– Нас теперь тоже мало, - сказал Элата.

Он достал откуда-то аккуратно обмотанный куском зеленой материи карабин и деловито щелкнул магазином. Фома молча глядел на него, потом спросил:

– Что ты делаешь, Элата?

– Иду на войну, - сказал Элата. - Наше гнездо первое догадалось, что можно воевать, как вы. Машинками. Железом.

Он искоса поглядел на Фому.

– Люди думают, мы боимся железа. Не можем дотронуться до него… Мы боимся вовсе не железа, Фома. Мы боялись ваших машин, потому что они лишали нас чести. Но мы учимся, Фома. И благодаря этому теперь у нас есть бард. Видишь эту железку, Фома? А теперь смотри, я откладываю ее в сторону. Потому что если мы будем воевать машинами и железом, нам не нужен бард.

Бард нужен тем, кто слаб, чтобы они стали сильными. Бард нужен тем, кого мало, тем, кто воюет против множества. Бард нужен, чтобы петь о подвигах, а разве нападать превосходящими силами - подвиг? Но если ты не пойдешь с нами, я возьму железку. И не только ее одну, Фома. У нас много оружия, которым можно воевать нечестно.

Он вновь нагнулся и порылся в ворохе оружия.

– Вот, - сказал он, - стрелы. Они вымазаны ядом ремнезубки. Мы не можем идти с голыми руками против ваших ружей, Фома, но ради тебя мы пощадим врага. А ты потом споешь об этом песню. Как прекрасно, храбро мы воевали, как благородно оставляли врага в живых, потому что враг наш храбр и тем выше цена нашей славы. Так вот, бард, яда на наконечнике ровно столько, чтобы человек, раненный этой стрелой, потерял сознание. Заснул.

Он взмахнул рукой, сжимающей стрелу за древко, и потревоженный горячий ночной воздух коснулся холодного лба Фомы.

В прибрежных зарослях возилась тихая ночная птица, в камышах плескалась нутрия. Фома слышал все эти звуки сразу, словно ночь была частью его самого. «Как передать это Элате? - подумал он. - Как рассказать о тихих плавнях, о заводях, о ночном зверье, о ночи, не желающей, чтобы ее тревожили огнем и железом?»

– Ты будешь петь о нашей доблести? - спросил Элата.

Фома молчал.

– Тетра, принеси садок с ремнезубкой, - крикнул Элата в темноту, - пускай наши стрелы несут смерть. Ибо наш бард не идет с нами. Только бери осторожно, она и так раздражена.

– Я пойду с вами, - сказал Фома. - Я буду петь вам… …Свет прожекторов очерчивал черным четкий рисунок скулы Элаты и подвязанные боевым узлом волосы. По черной воде плясали белые отблески. Казалось, из всех цветов остались только белый и черный.

– Тут вы добываете вашу горючую грязь, - сказал Элата. - А мы сейчас сделаем так, чтобы больше вы ее не добывали. По крайней мере, здесь. В этом месте.

Платформа стояла, растопырив ноги-опоры, наблюдательные вышки сверкали огнями прожекторов, словно головы на длинных шеях. Вода вокруг нее была подернута маслянистой пленкой.

Лодки покачивались на вялой зыби, в каждой - кэлпи, у каждого волосы подхвачены боевым узлом, у каждого за спиной копье, у каждого - взведенный самострел, и наконечники стрел вымазаны ядом ремнезубки.

– Но здесь же люди! - сказал Фома.

– Конечно, здесь люди! Здесь работают взрослые мужчины, и они вооружены железными штуками. А их охраняет много мужчин, которые не работают, но тоже вооружены разными штуками. И они все время ждут нападения. Это честно?

– Не знаю, - сказал Фома.

– Три гнезда пошло с нами, а значит, силы равны. Как ты думаешь, сколько на платформе всего белоруких?

– Не знаю, - тупо повторил Фома.

Он ощупал свое тело. Тело было взрослым и чужим. «Один раз оно послушалось меня, - подумал он, - когда я попытался бежать и сбросил Элату в воду».

– Я знаю, - повторил Элата, - силы равны.

– Это, по-твоему, и есть геройство - напасть исподтишка?

«Я блефую, - думал Фома, - на Территориях наверняка военное положение после вчерашнего налета кэлпи. Вчерашнего? Позавчерашнего?» Он попытался определиться во времени, но не смог.

– Мы не нападем исподтишка. Пой! - Элата обернулся к Фоме. Фома помотал головой. Горло пересохло, он с трудом выталкивал слова.

– Пой!

– Кэлпи! - закричал Фома что есть мочи. - Кэлпи нападают! У них самострелы! И копья! Они никого не жалеют!

– Неплохо, - сказал Элата. - Но я ждал большего.

С вышки ударил пулемет. Пули прошили воду, выбивая фонтанчики брызг.

Кэлпи завопили и ударили шестами по пузырям рыбы-пластуна. Плавающие в них моллюски-крылатки в испуге выбросили облако светящихся чернил.

– Нас видно, - сказал Элата. - Мы воюем честно. Пой!

Их с Элатой лодка, однако, осталась в темноте. Кэлпи берегли своего барда.

Фома глубоко вздохнул, но воздух пах гарью и нефтью, выедая изнутри грудную клетку.

– Кэлпи напали на нефтяную вышку, - завел Фома, - вонючие кэлпи…

«Похоже, - подумал он, - и это не то, что нужно».

Он слышал, как пули с глухим чавкающим звуком входят в обшивку лодок и живую плоть.

Но кэлпи, словно пули не могли причинить им вреда, скользили по воде, пробирались под брюхо платформы, обмотав руки и ноги рыбьей кожей, карабкались по опорам, взбирались на ограждения, по которым сейчас был пропущен ток.

Прожектор-глаз лопнул, в воду посыпались осколки.

– Пой! - крикнул Элата.

– О чем? - вытолкнул он пересохшим горлом.

– Ты бард. Не спрашивай. Пой.

На вышке отчаянно завыла сирена.

Где-то далеко отозвалась другая, ночной воздух был прошит частыми стежками их воя. Фоме хотелось заткнуть уши, в глазах стояла сплошная рябь, мешанина огня и мрака, кэлпи со страшными черными лицами выныривали из тьмы, их было много, очень много. Фома ловил ртом, ржавый воздух, шевелил распухшим языком…

– Кэлпи, - закричал он. - Спасайтесь! Кэлпи идут… - и закашлялся.

– Выпей, - Элата поднес к его губам деревянную баклажку.

Фома глотнул. Жидкость показалась горьковатой и сладкой одновременно, язык и губы сразу онемели, в ушах зазвенело, точно в голове бил медный колокол… Он помотал головой, и размазанные полосы огней повисли в воздухе. На всякий случай он еще раз качнул головой, осторожно, словно та была из стекла. Огни, казалось, обрели свой собственный голос: прожектора отдавались у него в голове медным гонгом, и стеклянным звоном вторили им потайные фонари кэлпи. А вот звуки окрасились в разные цвета: автоматные очереди прошивали воздух огненным пунктиром, а крики кэлпи были красными и горячими. В голове Фомы царила мешанина звука и цвета, горячий воздух рвался из его груди, и он запел:

Белый огонь светит, черная вода плещет,
алая битва пляшет,
снуют повсюду черные лодки,
несут гибель людям на башнях…

«Я пою честно, - подумал он, - я пою не для кэлпи, это для всех…»

Где-то далеко надрывалась сирена.

Там, в ночи, по темному гладкому полю к припавшим к земле вертолетам бежали крохотные люди, и его отец, постаревший и похудевший, торопливо натягивал куртку. Он видел все это: мать в дверях дома, тревожно сжимающую руки, и Доску в одинокой постели, и Хромоножку, ощупью пытающегося нашарить прислоненный к кровати протез, и где-то далеко в такт ударам сердца вопили кэлпи. Платформа вдруг распустилась как огненный цветок, белый в своей невыносимой жаре, и эта белизна отозвалась в голове Фомы невыносимым медным звоном.

Колючие огни дробились и плавились, стекая вниз вместе со слезами. И все стихло.

Мир медленно вращался вокруг него, наполненный чужими тенями и голосами.

Он поднял голову: от платформы остались только ноги-опоры, жалко торчащие из воды, вокруг плавали бурые покореженные обломки, а рядом на волнах, подернутых радужной пленкой, покачивался огромный плот из тростника, и на этом плоту рядами лежали люди, белые и неподвижные, точно прибитые морозом личинки мух, и несколько кэлпи, стоя на плоту, укладывали их бок о бок, ворочали, чтобы уложить поплотнее…

Фома перегнулся и дотронулся до ближайшего.

– Они совсем холодные! Мертвые! Элата покачал головой.

– Они живы. Мы держим слово. Они просто спят. Сородичи найдут их и разбудят.

В голосе его Фома уловил пурпурный оттенок неуверенности.

– Ты бард, - сказал Элата. - Ты и вправду бард. Если бы не ты, мы бы не смогли уничтожить нефтяную машину. Но ты пел, и мы старались.

Фома рыдал, отвернув лицо.

– Они мертвые, мертвые! - плакал Фома. - Ты обманул меня! Вы все меня обманули! Чертовы кэлпи!

Догорающие огни преломлялись в его полных слез глазах.

– Кэлпи? - переспросил Элата. - Ты выпил священный напиток. Ты пил молоко королевы. Ты бард, ты владеешь именами. Зови нас тем-именем, которое тебе доступно.

– Как? - устало спросил Фома.

Спящие-мертвые покачивались на волне, кэлпи перегнулся и оттолкнул шестом плот.

– Фоморами, - сказал Элата… …Голова кружилась, точь-в-точь как после того случая, когда он по ошибке хлебнул из стоящего на столе отцовского стакана. Трава качалась перед его лицом, и каждая травинка была словно глубоко прорезана в прозрачном воздухе.

Он видел все как будто через увеличительное стекло: песчинки, прилипшие к коже, лезвия травы, покачивающиеся на уровне глаз; на верхушке каждой травинки сидел, охватив ее скрюченными лапками, крохотный черный муравей.

– Личинка вертячки, - сказал неслышно подошедший Элата, и голос его вспыхнул в голове у Фомы россыпью алых искр. - Зараженный ею муравей больше не стремится укрыться на ночь в муравейнике, наоборот, ему хочется залезть как можно выше, он забирается на самый верх травинки и скрючивается там… от

холода. Утром таких муравьев склевывают птицы. А дальше личинка вертячки продолжает развиваться у них в потрохах. Хитро устроено, верно, бард? Какая-то крохотная козявка может изменить поведение большого муравья… И он больше не бережет себя, не работает на пользу своим сородичам… он позабыл муравейник. Ради чего?

– Кто-то поселился у меня в голове, Элата, - сказал Фома. - Я вижу все не так, как раньше. Может быть, я тоже найду свою травинку, вскарабкаюсь на самый верх и там меня склюет птица?

– Ты пил молоко королевы. Кто знает, о Фома, может, именно ты видишь мир таким, каков он есть. И кто знает, быть может, этот муравей сейчас счастлив, как никогда не был.

– Я больше не человек? - осторожно спросил Фома. Он поглядел на свою руку. Рука была белой и поросшей короткими взрослыми волосками.

– Ты бард. Это больше, чем человек. Больше, чем фомор.

– Я - личинка, - сказал Фома, охватив голову руками. - Я никогда не стану по-настоящему взрослым.

Он встал и, пошатываясь, пошел к очагу. Одноглазый Балор, стоя на коленях, переворачивал на раскаленном камне розовую рыбу, при виде Фомы он поднял голову и улыбнулся.

– Ты был с дочерью-сестрой. А мы развлекаемся друг с другом.

Кто из нас взрослый?

Фома пожал плечами и сел рядом с Балором, приняв у него кусок завернутой в листья рыбы.

– Вы не стареете, Балор? Я видел только молодых.

– Старших мало, - сказал Балор, дуя на пальцы. - Тот, кто не умирает в бою, становится старшим.

– Тогда почему вы так стремитесь умереть?

– Умереть в бою почетно. Но у старших своя честь. Они выше стыда.

– Что такое молоко королевы?

– Молоко королевы, - Балор в почтении приложил пальцы к губам, оттого ответ его прозвучал немного неразборчиво, - это молоко королевы. Что здесь еще можно добавить?

Фома так и не понял - имелось ли виду действительно молоко королевы (доят они ее, что ли?) или какая-то жидкость с чудесными свойствами, изменившая самую его суть. И где она, королева? Где они вообще прячут своих женщин? Изумрудные чертоги, подумал он, прохладные мраморные полы, бассейны с водяными лилиями, зелень, чернь и серебро… и женщины кэлпи, на светлой коже игра зеленоватого света, отчего кажется, словно они не ходят, а плывут в толще воды.

– У нее есть дочь?

– Нет.

– Но я видел ее. Она…

– У нее нет дочерей. Только дочери-сестры. Фома ничего не понял и пожал плечами.

Элата подошел, он нес на вытянутых руках что-то похожее на росчерк полета ласточки. На лицо легли параллельные тени.

– Это арфа Амаргена, - сказал он. - Теперь она твоя по праву.

– Арфа? - осторожно переспросил Фома. Он первый раз видел арфу, хотя любительский духовой оркестр, игравший в парке по воскресеньям, слушал с удовольствием и даже пытался подпевать.

– Да. Амарген был бардом нашего гнезда. Он знал, что вы убьете его. Он первым понял, что вы убиваете бардов. И тогда он сложил песню. И спел ее нам. Он спел песню о людях. О белоруких. О железе, которое убивает нас, но если мы возьмем его себе, оно станет убивать их. О том, что если мы хотим вернуть себе честь, надо быть хитрыми как выдры. Надо обратиться к нашим врагам. Надо искать барда среди них. Он спел это нам, а потом дочери-сестре… И она сказала: да. И мы стали учить ваш язык. Мы раздобыли ваши железки и научились ими пользоваться. Другие гнезда смеялись над нами, называли нас отступниками. Что говорят они теперь?

– Он спел вам это?

– Бард - тот, кто поет о новом. Пока он не споет, нового нет. Возьми арфу, бард.

– Но я не умею играть!

– Ты пил молоко королевы. Возьми арфу.

Фома протянул руку. Ладонь была шире и крупнее ладони Элаты. Арфа отозвалась тихим звоном, словно он провел пальцем по краю хрустального бокала.

Фома пристроил ее у коленей, положил ладонь на струны, и арфа ответила вновь. Голос ее одновременно был как у женщины и как у птицы.

– Нет! - сказал Ингкел. Арфа вздрогнула и смолкла.

– Эта белая личинка - бард? - Ингкел пренебрежительно сложил ладонь щепотью и дунул на нее в знак того, что Фома для него просто ничтожество.

– Он пел, и мы бились честно, - сказал Элата.

– Ты принял за песню глупые вопли, Элата. Значит ли это, что ты сам глуп?

– Хочешь драться со мной? - спокойно спросил Элата.

– Да, - сказал Ингкел.

– Вы что, сошли с ума? - Балор прожевал кусок рыбы и теперь морщился, потому что поспешно проглоченная кость оцарапала

ему горло. - Нас осталось мало, а вы, точно рыбы-собаки, кидаетесь друг на друга. Мы взяли барда для того, чтобы он собрал нас вместе, а не для того, чтобы он рассорил всех нас. Извинись, Ингкел. Извинись перед Элатой, а не то ты будешь драться со мной.

Драться с Балором было стыдно, потому что для этого требовалось мало мужества. Балор был одноглазый и часто пропускал удар слева.

– Фоморы подерутся, - пела арфа, - глупые фоморы сейчас подерутся. До крови, до зеленой крови! И их станет меньше на одного!

– Мальчишка прав, - сказал Балор. - Прислушайтесь! Зачем нам братоубийство? Мало нас режут белорукие, чтобы мы еще и истребляли сами себя?

«Я же не умею играть, - думал Фома, - вон на ней сколько струн… как управиться со всеми сразу? Но она все-таки играет. Сама… Под моей рукой… Опять это проклятая магия проклятых кэлпи. Что они со мной сделали?»

Элата поднял руку.

– Ты не любишь его, Ингкел, - спросил он, - нашего белорукого барда? Очень хорошо. Будь при нем. Будь всегда при нем.

– Бесполезно, - сказал Ингкел, - из чужака не сделаешь своего.

– Твоя ненависть будет ему привязью. Впрочем, - заметил он, - ему все равно некуда бежать. Для сородичей он теперь чужак. Перевертыш.

– Я спою вам, как я вас ненавижу, - всхлипнул Фома, и арфа отозвалась глубоким протяжным вздохом.

– Главное, пой правду, - велел Элата, - остальное неважно. Бард для того, чтобы петь правду…

«…Меня будут искать, - думал Фома, - не может быть, чтобы папа не искал меня. Он вызовет спасателей, людей на моторках, доблестную команду, он станет на носу самой, главной лодки, замечательной лодки на подводных крыльях, и они помчатся по протокам, и убьют всех кэлпи, и спасут меня. И Элату убьют, и этого страшного злобного Ингкела, и одноглазую жабу Балора.

Но он должен был ринуться в погоню сразу. А ведь прошло уже два дня! Или… больше?»

Его тело выросло слишком быстро и оттого перестало понимать время. Словно где-то внутри у него были часы, такие неторопливые и медленные, отсчитывающие время по каждому сантиметру роста, по каждому коренному зубу, вставшему на место молочного, а теперь эти часы сломались…

Его не спасли вовремя, и теперь он стал предателем. Он пел для кэлпи. И они напали на буровую. И убили людей.

Но он пел правду.

Но барды всегда поют правду.

Но если бы он не пел им, они бы не напали!

Нет, напали бы, но подло, исподтишка…

«Я испугался, вот что. Просто испугался».

Арфа Амаргена, предоставленная сама себе, вздохнула всеми струнами сразу. И что-то вверху, далеко-далеко, ответило ей.

Что-то маленькое, не больше шмеля.

Что-то большое, просто очень далеко. И оно гудело.

– Самолет!

Он вскочил. И замахал руками.

– Сиди, чужак, - сказал Ингкел сквозь зубы и погладил свой самострел.

Фома покосился на Элату. Элата молчал. Лицо у него было спокойным и безразличным. Фома сел.

– Ш-ш-ш, - сказала арфа.

– Но это мой папа, - сказал Фома. - Он меня ищет. Отпустите меня, пожалуйста! Ведь я уже спел вам.

– Твой папа ищет маленького мальчика, - возразил Элата.

– Но он узнает меня! Я все расскажу, и он узнает.

– Дурачок, - сказал Элата, - ты пил молоко королевы. Тебе нет места среди людей. Тебе и раньше не было места среди людей, дурачок.

Самолет парил высоко в небе - маленький, красный, а потом начал снижаться, покачивая спаренными крыльями.

– Мой отец, - сказал Фома.

– Нет, - Элата покачал головой, - эта машинка уже летала тут когда-то. Я знаю ее. Она летает, чтобы все разнюхать. Белорукие хотят отомстить за свое поражение. Предстоит славная битва. И ты споешь нам.

Самолет скользил по синеве, на брюхе у него были лыжи для посадки на воду, сейчас он поджимал их, как утка поджимает лапки.

– Славной битвы не будет, - сказал Фома. - Вы недостойны славной битвы. Вас просто передушат, как водяных крыс.

– Летающая машинка всегда предвещает битву, - объявил Элата.

Самолет снизился настолько, что Фома мог новым своим зрением разглядеть лицо пилота в кабине; пилот был в коричневом шлеме, защищающем уши от шума. «У этого шума мерзкий цвет, - подумал Фома. - А белорукий выглядит как белая личинка».

«Это человек, - одернул он себя, - я человек, и это человек, как я могу… как вообще можно думать так? А вдруг… вдруг там и правда мой отец?»

Однажды отец взял его с собой. Мама говорила, что это опасно, но он все равно взял. Фома помнил, как выглядит Дельта сверху - речные рукава, зеленые пятна островков, бурые пятна плавника; заросли камыша сверху казались нестрижеными газонами. По воде бежала мелкая рябь от винтов самолета, а впереди по волнам неслась его тень. Он помнил охвативший его чистый восторг… как будто он пел песню!

Пулеметная очередь прошла рядом с ним.

Ингкел сшиб его с ног, толкнул за куст ивняка и сам упал рядом, прижимая длинной рукой Фому, чтобы тот не дернулся.

– Он стрелял в меня! - сказал Фома и выплюнул набившийся в рот песок. - В меня!

Пилот же видел, что он человек. Как он мог? И, конечно, это не был его отец. Отец бы не выстрелил. Ни за что.

– Конечно, в тебя, - сказал Ингкел, - ты же бард. А я дурак и жаба. Мне следовало догадаться, что он выстрелит. Люди умны.

Самолет развернулся и пошел на второй заход. Но кэлпи уже не было в зоне видимости; только ивняк и мангровые заросли… С потревоженных листьев посыпались бабочки-пяденицы, тень от крыльев прошла по лицу Фомы, рев разодрал бледное небо, оставив после себя эхо, расплывающееся по голубизне радужным маслянистым пятном, потом все стихло.

Ингкел встал, и Фома поднялся вслед за ним. На щеке у него был порез; Ингкел толкнул его лицом в ветви.

– Я не понимаю, - сказал он, - не понимаю.

Кэлпи выбирались из ивняка, смущенные тем, что пришлось прятаться. Они окружили Фому, словно искали у него поддержки, с надеждой глядя в лицо человеку.

– Спой нам еще раз про вчерашнюю битву, о бард, - попросил Балор… -…Люди придут, - сказал Элата. - И мы сразимся с ними.

Фома молчал.

Кэлпи, которых он видел в кино, были просто трусливые бессловесные твари, жестокие и подлые. А люди, наоборот, - храбрые и ловкие. И они всегда побеждали. Они победят и на этот раз. Но если так… кому петь? Кэлпи? Но кэлпи убивают людей. Людям? Но люди только что пытались убить его.

«Если бы это было в кино, - решил Фома, - я пел бы людям. Несмотря ни на что. А так… не знаю».

– Скоро прибудут наши мертвые, - сказал Элата. - Мы не оставили их людям. Ты сможешь спеть об этом?

– А сколько людей вы убили, Элата? - спросил Фома.

– Меньше, чем могли, - сказал Элата и улыбнулся. - Благодаря тебе.

Зубы у него были мелкие и острые.

«Я видел их, я их трогал, они были белые и холодные. Он соврал? - гадал Фома. - Но могут ли кэлпи врать барду? Быть может, яд оказался слишком сильным?»

Из-за цепочки плавучих островов, вытянувшихся вдоль рукава, появился плот. Двое кэлпи правили им, расставив ноги; мертвые кэлпи лежали на плоту, спеленатые, точно младенцы, руки вдоль тела, кожа серая, точно подсохшая речная глина. Плот причалил к берегу, качаясь на прибрежной волне, и гребцы соскочили с него на землю так легко, что он качнулся лишь чуть сильнее.

– Мертвые трех гнезд лежат на этом плоту. Три гнезда ждут твоих песен.

– Я помню, - сказал Фома, - вы теперь пускаете своих мертвецов вплавь днем. Они так и плавают по Дельте взад-вперед, их носит приливом, пока человеческая машинка не сработает и не подожжет их…

Мертвецы лежали рядами, волосы измазаны в липкой черной крови, веки сомкнуты. Элата уложил в ногах у них грубо сработанное взрывное устройство и оттолкнул плот. Плот поплыл, казалось, сам по себе. Его не крутило в воде, как это обычно бывает, он качался на волне отлива, мертвые лежали, открыв лица бледному небу…

– Пой, - сказал Элата. Глаза его были полны слез.

И в груди у Фомы словно забила крылами птица, пытаясь вырваться на волю.

Уходят мертвые,
по лезвию луча,
по колесу вод,
под ними улитки, рыбы,
над ними стрижи, зимородки,
пяденицы, златоглазки,
они посредине плывут, ничего не видят…

«На каком языке я пою? Откуда знаю слова? Словно в моей голове звучит чужой голос, а я только повторяю за ним. Это - голос кэлпи, и я стал кэлпи, я стал жабой, большой белой жабой».

Но он пел и не мог остановиться, и арфа Амаргена пела вместе с ним, и грозные кэлпи стояли неподвижно, по высоким скулам текли слезы. Двое из них подошли, скрестили руки, подняли Фому над землей и понесли в лодку.

Элата уже стоял в своей лодке, гордый, что у него есть бард, а Ингкел прыгнул в другую лодку, принял Фому и усадил его на скамью.

Лодки отчаливали от берега, окружали плот с мертвецами, плыли по зеленой протоке, и ветки деревьев смыкались над ними. В зеленом сумраке кэлпи казались почти невидимками, даже одежда на них была - серебро и зелень. Повеяло морем, пересвист зимородков сменился резкими криками чаек. Стая рыбок пронеслась под днищем лодки - серебряные рыбки с темными спинами, морские рыбки.

– Дальше он пойдет сам, - сказал Ингкел Фоме, которого от разрядившегося напряжения била дрожь. - В далекое соленое море, по открытой воде.

– Ты ничего не слышишь, Ингкел? - спросил Фома тихо.

– Погоди…

– Кажется… - Элата взмахнул шестом и закричал: - Назад, все назад!

Течение вынесло плот на открытую воду, закрутило, но, вместо того чтобы вспыхнуть чистым огнем, он окутался бурым дымом, а из соседних проток, из-за плавучих островов, чихая и кашляя моторами, вырывались лодки людей, легкие катера, крытые броней, с пулеметами на носу и на корме, удар разметал первый ряд лодок кэлпи, остальные рассыпались меж плавучими островками. Якорь на тросе упал на плот, кошка пропахала лицо мертвеца, зацепилась за легкое бревно, трос натянулся, катер рванул, плот с мертвецами запрыгал за ним на волнах, точно поплавок…

Элата выкрикивал проклятья, воздев кулаки к небу, лодка его была разбита в щепу, и он чудом выбрался на плавучий островок. Ингкел успел увести лодку со своим бардом от удара, подплыл к нему, ловко балансируя шестом, и Элата прыгнул на скамью.

– Они забрали наших мертвых! - воскликнул он. - Наших мертвых!

Голос, казалось, ударил с неба.

– Вы, зеленые твари! - кричал голос. - Жабы! Знаете, что мы сделаем с вашими мертвецами? Мы развесим их вниз головой на ограждениях, развесим за ноги, вы, уроды! За каждую подорванную платформу, за каждый школьный автобус, за каждого нашего, мы будем вешать вас, твари, и живых, и мертвых! Я вам человеческим языком это говорю! А не поймете, вам же хуже, жабы. Но вы понимаете, я знаю!

Кэлпи взвыли в бессильной злобе и ярости, пулемет на корме катера развернулся, пули веером пошли по кустам, сбивая листья и ветки… -…Они забрали наших мертвых, - плакал Элата.

Три гнезда кэлпи, вернее, их остатки, плакали вместе с ним.

В укромном поселении на сваях, обросших мягкими водорослями, глубоко в сердце Дельты, новые мертвые лежали на тростниковом настиле, вытянувшись, отвернув от живых серые лица. Над свайными постройками смыкались кроны мангровых деревьев. Вдали рокотал прилив…

– Это все твои идеи насчет барда, Элата, - сказал чужой грозный кэлпи. - Эта маленькая бледная лягушка не бард. Это подделка. И песни его - ложь.

Он подскочил к Фоме и замахнулся, но Ингкел, который был начеку, перехватил его руку.

– Он пил молоко королевы, - сказал Ингкел. - Он бард!

«Я понимаю, что они говорят, - думал Фома, - они говорят не по-людски, а я понимаю их. Они говорят, что я не фомор… Но раз я понимаю их, значит ли это, что я уже и не человек? Я не ребенок и не взрослый… я никто».

Вожди чужих гнезд поднялись.

– Трусы, - горько сказал Элата, - отступники. Вам просто понравилось воевать без бардов. Потому что. это безопасно. Вам понравилось прятаться во тьме и пакостить по мелочам. Вам понравилось быть трусами.

– Следи за своими словами, Элата, - его собеседник потемнел лицом и даже сделал движение, будто хотел ударить Элату по лицу, но удержал руку.

– Мы будем драться между собой, - сказал Элата, - но сначала мы будем драться с людьми.

– Бард он или нет, - сказал чужой кэлпи, - но вот что я скажу тебе, Элата. Верни наших мертвых. Верни наших мертвых, и мы пойдем за тобой.

Чужие кэлпи попрыгали в свои пришвартованные к сваям лодки, погрузили в них новых мертвецов и оттолкнулись шестами. Остальные стояли, озадаченно глядя, как камыши смыкаются за ними.

– Это не твоя вина, бард, - великодушно сказал Элата. - Ты пел правильно. Это вина людей.

«Но я человек», - подумал Фома.

Он прижал арфу к груди и ничего не сказал.

– У людей что, совсем нет чести? - сумрачно спросил Ингкел. - Мы же сопровождали мертвых.

Фома перевел дух. Как и в прошлый раз, мир после песни сделался болезненно-четким, а каждый громкий звук заставлял вздрагивать и причинял болы Теперь что, всегда так будет?

– О какой чести вы все время твердите? - спросил он. - Вы же напали на автобус с детьми.

– Мы положили четверых, - напомнил Элата. - За одного вашего.

– Но автобус был с детьми, - повторил Фома.

– Но мы не причинили вреда Вашей молоди. Мы убили только того, кто вел железку. И у нас тогда не было барда.

Он помолчал и вновь сказал, словно это было самым лучшим доводом:

– У нас тогда не было барда. А на эту мерзость, которой вы ковыряете Дельту, на ту, что достает со дна горючую грязь, мы напали честно. Мы закричали, мы зажгли огни. Мы щадили людей. А у самих был полный плот мертвецов. - Он схватился руками за голову и повторил: - Целый плот мертвецов! И теперь они повесят их за ноги! Надругаются над нашими мертвыми! Они просто животные, не знающие чести.

***

– Будем играть в войну! Войну с кэлпи! Нет, Фома, ты не будешь командиром отряда. Ты будешь кэлпи! Вонючим кэлпи! И мы тебя убьем. Ты будешь прятаться, а мы тебя найдем и убьем.

– Я не хочу, - Фома надулся и покраснел. - Я хочу с вами. Я не буду кэлпи.

– Ну подумай сам, - сказал Юхан, самый рассудительный и самый сильный. - Если никто не хочет быть кэлпи, с кем мы будем воевать?

– Почему всегда я? - упирался Фома. - Пусть на этот раз кто-нибудь другой будет кэлпи.

– Потому что никто не хочет играть с тобой за людей, Фома, - терпеливо пояснил Юхан. - Один раз тебя взяли, и ты вместо того, чтобы бесшумно красться со всем отрядом, наступил на ветку, и Александр, который в тот раз согласился быть кэлпи, услышал тебя, и вовремя отступил, и обманул часовых, и успел приложить к столбу ладонь, и кэлпи победили… Кто же хочет, чтобы кэлпи побеждали?

– Я нечаянно, - сказал Фома, - я не хотел…

– Ты всегда так. Всегда с тобой что-то происходит. Помнишь, как ты ловил в луже щитней? И что из этого получилось?

Фома молчал, глядя в землю.

– Он дурачок, дурачок, - Роджер высунулся из-за Юхановой спины и скорчил рожу. - С ним никто не хочет играть! Он кэлпи, вонючий кэлпи! Мой дедушка был в плену у кэлпи, он говорил,

они все такие… точь-в-точь как наш Фома.

– Твой дедушка был в плену у кэлпи? - не оборачиваясь, спросил Юхан. - И чем они там с ним занимались, пока он был в плену?

Остальные ученики, с интересом наблюдавшие за этой перепалкой, рассмеялись, потому что Роджера не любили еще больше, чем Фому. Он был просто мелкий пакостник с грязным языком.

– Ах ты!

Роджер наскочил на Юхана, без толку молотя кулаками. Драться ему не хотелось, но еще меньше хотелось окончательно потерять лицо. Юхан лениво ухватил Роджера за руку, завел локоть за спину. Роджер всхлипнул.

– Ты, Роджер, сам злобная вонючка, - припечатал Юхан. - Сегодня ты будешь кэлпи. - И добавил: - Я просто хочу, чтобы все было по справедливости. Ты что, Фома?

– Я передумал, - сказал Фома. - Я не хочу играть.

***

– Отобьем их, - Элата взмахнул копьем, - или поляжем в бою. И это будет славная битва.

– Мы поляжем в бою, Элата, - сказал Балор. - Они уже успели развесить наших мертвых на веревках. Развесили и поставили гнезда со стреляющими машинками. - Как они называются, Фома?

– Пулеметами, - сказал Фома.

– С пулеметами. И что ты будешь делать?

– Умру с честью, - безнадежно сказал Элата.

– И кто тебя будет хоронить? Я не пойду за тобой, Элата.

– Ты тоже научился быть трусом? Ингкел?

– Я хочу сначала послушать, что скажет бард, - отозвался Ингкел.

– Люди ждут вас, - сказал Фома.

Одно смертоубийственное предприятие за другим. Они словно мотыльки, летящие на огонь.

– Не хотите идти, не надо. Трусы. - Элата презрительно подул на сложенные щепотью пальцы. - Пойду один. Никто не скажет, что Элата не пошел за своими мертвыми. Даже ты, бард, не скажешь! Кто хочет идти за мной?

Кэлпи молчали, переминаясь с ноги на ногу. Потом повернулись к Фоме и посмотрели на него. Все повернулись к

Фоме. Все, как один.

«Чего они от меня хотят?»

– Я не буду петь об этом, Элата, - сказал он. - Это не честь, а глупость. Это самоубийство.

Он задумался.

«Гнездо Элаты научилось воевать по-новому, - думал он, - и что бы они ни говорили, как бы ни носились со своей честью, со своим бардом, со своими мертвыми, они уже никогда не переучатся… В этом-то все и дело. Люди думают, что кэлпи никогда не изменятся, а кэлпи слишком верят в людскую хитрость и изворотливость… Но люди - это просто такие кэлпи. А кэлпи - просто такие люди. И если люди ожидают, что кэлпи бросятся сломя голову за своими мертвыми, то надо сотворить такое, чего люди не ожидают. Не бить дурацкими палками по дурацким пузырям, не вопить, не размахивать фонарями… И не красться, как трусы… что-то среднее».

– Водяной конь, - сказал он.

– Что? - переспросил Элата.

– Водяной конь слушается вас? Вода слушается вас? В этом ваша магия?

– В этом наша магия, - согласился Элата. - О чем ты собрался петь, Фома?

– Я спою вам песню о мертвых, - ответил Фома. - О горящих погребальных пеленах, о воде и дыме…

И он запел… -…Но мы еще никогда не провожали так наших мертвых, - сказал Ингкел ошеломленно, когда последний вздох амаргеновой арфы замер над плавнями.

– Я бард, - сказал Фома. - Я спел, и будет так.

– Он прав, Ингкел, - согласился Балор. - Это будет славная битва. И веселое дело.

– Но есть ли в этом честь?

– Да, - сказал Балор. Он потер рукой твердый подбородок и улыбнулся. - В этом есть честь, ведь мы избавим наших мертвых от позора. А значит, и сами избавимся от позора. Ах, какие песни будут петь про это в Дельте, Элата, ах, какие песни!

Элата молчал. Потом поднял голову.

– Я надеялся, - сказал он, - что получив барда, мы вновь станем воинами.

– Это и есть война, - сказал Фома. - Это не мелкие пакости, не убийства в ночи. Это - честь.

«И жизнь, - подумал он, - но этого я не скажу Элате…»… Плавни, успокоившись после атаки, жили своей собственной жизнью - пролетела, грузно махая крыльями, серая цапля; потревоженный выводок зимородков точно по команде ринулся

со своей ветки в камыши, сверкая зелено-голубыми вспышками крыльев.

Лодка Ингкела из-за своего груза была почти по кромку бортов погружена в воду; Фома сидел сзади, в запасной лодке, легко пляшущей на привязи. Балор и Тетра вели свою лодку чуть впереди, и Элата держался рядом с ними. Время от времени лодка Фомы подпрыгивала, то натягивая канат, то отпуская его, там, под днищем, черной тенью проходил, толкаясь спинным плавником, огромный водяной конь.

«Что-то не так, - думал Фома, - я что-то упустил, все слишком хорошо, слишком просто. Как в детской игре. «Ты будешь вонючим кэлпи!» Задача «кэлпи» - добежать до бетонной опоры на задах школы и хлопнуть по ней ладонью. Задача «людей» - помешать им.

Помешать им.

Помешать.

Предположим, сейчас я человек, и я знаю, что кэлпи идут сюда, чтобы хлопнуть своей противной зеленой ладонью. Как я могу помешать кэлпи, если я знаю, что они придут, и знаю, каким путем они пойдут? По одному из рукавов, который выведет к сторожевым вышкам… Там дальше пустая вода, мы, люди, не идиоты, мы выжгли все на километр, чтобы ни одна вонючка не могла сунуться, перед наблюдательными вышками всегда чистая полоса; черная вода и прожекторы по ней ночью - шорк-шорк…

Хромоножка! Хромоножка нарвался на растяжку, подорвался на мине и потерял ногу…»

– Элата! - крикнул он. - Ингкел! Элата!

Канат между его лодкой и лодкой Ингкела провис - Ингкел всем телом налег на шест.

– Все подходы к сторожевым вышкам будут заминированы, - предупредил он.

– Откуда ты знаешь? - недоверчиво спросил Ингкел.

– Это игра, понимаете? Такая игра. «Перехитри кэлпи» называется. Понимаете?

– Нет, - сказал Элата.

– Они знают, что мы придем, они на это рассчитывают. Мертвецы на вышках - не наказание. Это приманка. Они ждут нас. Они думают, что мы пойдем большим отрядом, и они заминировали подходы к вышкам. А мы зацепим растяжку и взлетим на воздух.

– Ты струсил, - заключил Элата.

– Нет. Да. Элата, это страшная смерть. А если уцелеешь - страшная жизнь. Я знал одного такого, он ненавидел себя и все на свете. Ваша магия может пустить вперед пустую лодку? Я сяду к

тебе.

– Обратно будем добираться в тесноте, - сказал Элата и засмеялся.

Он налег на шест, и лодка его скользнула мимо лодки Фомы.

– Я пойду впереди, бард, - крикнул он, - а ты споешь об этом! Лодка Элаты скользила, словно хищная рыба.

– Осторожнее, Элата, - предупредил Фома. - Они незаметные, как паутинка. Просто проволока, натянутая поперек протоки.

– Твоя доблесть не в том, чтобы умереть, Элата, - согласился Ингкел, - а в том, чтобы не дать смерти ужалить нас в пяту. Осторожнее, прошу тебя.

– Я спою о твоей мудрости, - крикнул Фома в спину Элате. - О твоей доблести!

Они возобновили движение, на сей раз медленно, Элата то продвигался вперед, то ощупывал шестом дно или пространство впереди себя, тогда все, даже водяной конь, замирали в ожидании.

– Так мы не успеем до темноты, - сказал Ингкел Фоме. - Плохо.

– Мы зальем ночь светом, - сказал Элата и расхохотался. И стал свет.

Лодка Элаты стала дыбом, потом переломилась пополам, к небу поднялся столб воды, черная фигура сложилась, ее подбросило как тряпичную куклу, руки-ноги под причудливыми углами. Ингкел отчаянно уперся в дно шестом, лодка его заплясала на месте, и лодка Фомы с легким стуком ударилась о ее корму. Фома в ужасе зажмурил глаза и почему-то закрыл уши руками.

«Сейчас, - подумал он, - сейчас опять рванет!»

Ему захотелось выпрыгнуть из лодки, но он удержал себя. Он помнил про водяного коня.

Ингкел стоял, опершись на шест, рот широко открыт, глаза зажмурены. Потом осторожно открыл один глаз. Мимо него течением несло обломки. Среди них на волне покачивалось тело Элаты, переломанное, искромсанное, на чистом нетронутом лице торжествующая усмешка. Ингкел перегнулся через борт, поднял вождя на руки и пристроил на носу лодки.

– Ты споешь об этом! - сказал он Фоме.

– Мы вернемся, - пообещал Фома, - и я спою обо всем.

– Фома, садись к Балору. А ты пусти вперед пустую лодку, Тетра, - распорядился Ингкел, - а сам стань за ней - и смотри в оба… …Они стояли в камышах, укрывшись за кучами плавника. Наступил вечер, и Территории мерцали огнями. Огни отражались в воде, распуская разноцветные дорожки. «Эти дорожки, - думал

Фома, - словно струны у арфы, и вроде даже звучат по-разному». Ограда вздымалась из воды на два человеческих роста, по верху пропущена колючая проволока, по периметру - наблюдательные вышки.

– Вот они, - сказал Ингкел, - наши мертвые.

Фома понял, отчего контур наблюдательной вышки показался ему непривычным - со смотровой площадки, привязанные за ноги, свисали гроздья мертвецов, спеленатые, точно огромные куколки шелкопряда.

Затяжная война, выматывающая обе стороны, в которой нет ни правых, ни виноватых.

Фома перегнулся через борт и опустил ладонь в воду. Ладонь ощутила слабое сопротивление, вода ударяла в нее, словно отрастила крохотный кулачок.

– Да, - сказал Балор, - начинается прилив.

Он сложил руку чашечкой и подул в нее. Кулачок стал сильнее толкаться в ладонь Фомы.

Ингкел перебрался к нему в лодку и отвязал конец. Теперь он удерживал привязь только рукой, подтянув лодку с мертвым Элатой поближе. Лодка сама собой стала разворачиваться носом к Территориям.

– Водяной конь, - сказал Ингкел нежно, - водяной конь! Возьми эту лодку на свою спину и донеси ее до середины мертвой воды. Дальше я пошлю ветер и прилив, прилив и ветер. Лодка станет сама приливом и ветром!

Он наклонился, высек искру и поджег фитиль. Язычок пламени резво побежал по веревке, выхватив из тьмы спокойное, улыбающееся лицо Элаты.

– Пошел! - завизжал Ингкел. И лодка рванулась вперед.

Она неслась, словно скутер, с мертвым на борту, со своим смертоносным грузом, она вдруг занялась огнем, и на вышке уже дали несколько бесполезных очередей - лодка мчалась так быстро, что превратилась в размазанную огненную полосу.

«Прыгайте, дураки, - мысленно умолял Фома людей на смотровой площадке, - прыгайте, разве вы не видите, сейчас оно рванет!»

И рвануло. Лодка с мертвым Элатой ударилась в изножье башни и содрогнулась, и страшным эхом ей ответили плавни. Лодки кэлпи подпрыгнули на воде, по ивняку прошла волна горячего ветра. Столб огня ударил в небо, и огненные коконы мертвых раскачивались на веревках, разбрасывая маленькие шарики огня, они, шипя, падали в воду и гасли. Вышка затрещала и описала дугу в воздухе, но не упала, а так и застыла, накренившись к воде, и отражение ее расцвело пламенем.

Пулемет крякнул и замолк.

– Какие похороны! - Балор ударил себя ладонями по коленям. - Какие дивные похороны!

– Мы и правда вернули себе достоинство, - задумчиво сказал Ингкел. - Наше гнездо, одно из всех. О нас будут петь в Дельте. А теперь поворачиваем - и упаси нас водяной конь сбиться с проложенной тропы. Ты споешь об этом, маленький бард?

– Да, Ингкел, - сказал Фома, - я спою об этом… -…У нас замечательный бард. Нам повезло, мы будем воевать!

Балор повернулся на тростниковом настиле и протянул Фоме серебряный кубок. Фома глотнул. Это было вино, легкое и молодое, оно слегка щипало язык.

– И мы наконец-то сможем жечь огни! Жечь наши веселые огни, не боясь, что нас найдут с воздуха.

– Вы никогда не сможете жечь огни, Балор. Люди не допустят этого. Они пошлют самолеты с Суши. Пошлют войска. Всю Дельту превратят в минное поле, как это было во время той войны.

– Та война была давно, - отмахнулся Балор. - А Дельта - наша. Фома вернул кубок Балору.

«Бесконечная война, - подумал Фома. - По крайней мере, до тех пор пока не истребят всех кэлпи. Несмотря на всю их честь. Или благодаря этой чести. Лучше бы они по-прежнему были трусами. Пока кэлпи были трусами, у них был шанс».

– Где вы жили раньше, Балор?

– Мы всегда жили здесь, - ответил Балор. - Мы всегда жили в Дельте. Дельта - наша.

– Ты врешь, Балор. Раньше не было никакой Дельты. Земля была сухая.

– Как - сухая? - удивился Балор. - Совсем? Никакой воды?

– Нет, - сказал Фома, - я читал в учебнике, что по ней текли реки, но с одного берега такой реки можно было увидеть другой берег. Я видел старое кино. И тогда везде были люди. Везде-везде. Где были вы? Почему тогда не нападали на людей?

– Я не помню так далеко, Фома, - ответил Балор, улыбаясь. - Барды помнили. Бардов больше нет. Ты наш бард, ты помнишь про то, что было до Дельты. Это замечательно.

– Прежде мир принадлежал людям. Потом пришел Большой разлив, и он изменился. Потом появились кэлпи. Потом случилась большая война. Кто начал войну, Балор? Почему вместо того, чтобы воевать, люди и кэлпи не попытались подружиться? Почему истребляли друг друга?

Фома встал. Повсюду - на тростниковых настилах, на досках, уложенных поверх высоких свай - веселились кэлпи. Веревочные лестницы колыхались на легком ветру, к ним для красоты были

привязаны зеленые ленточки. Всюду были кэлпи, они шумели, пили из серебряных и деревянных резных кубков, жарили на раскаленных камнях, на потайных костерках водяных змей, сидели на тростниковых циновках, на перекладинах в развилках деревьев, на зеленой траве… Некоторые сидели парами, тесно сплетя руки. От таких Фома отворачивался, делая вид, что смотрит в другую сторону.

«Ни одной женщины, - подумал он, - ни одного ребенка.

Наверное, они прячут их в недоступных густых плавнях - километры и километры зелени и воды, то, что с самолета кажется сушей, а на самом деле трясина, зыбкое месиво, обманчиво прикрытое сверху плавучими островками, ряской, тиной…

А где прячется она?

Где-то совсем рядом, - думал он, - совсем рядом. Иначе откуда бы этот зов, эта тоска по недостижимому…»

Он шел меж спящими, меж сплетенными телами, вдруг настала ночь, совершенная, тихая, звездная ночь, звезды отражались в воде, он никогда не думал, что от звезд на темной воде могут быть дорожки… Где-то за его спиной раздался всплеск. Ондатра нырнула, оставив на воде темную прореху. Там, за деревьями, если пройти чуть вглубь и влево, если свернуть на эту тропу…

Тропа по бокам поросла колокольчиками-тройчатками, словно самосветящимися бледным светом, а в конце пути была поляна, окруженная густыми зарослями ивняка, и в самом сердце этой поляны стояла она, и тоже светилась, словно цветы-тройчатки, словно прекрасный опалесцирующий сосуд, словно мраморная статуя, погруженная в толщу зеленой, пронизанной солнцем воды.

– Откуда ты взялась? - спросил он.

Ни одна лодка не подойдет к лагерю кэлпи бесшумно, ни один пришелец не останется незамеченным… И все-таки вот она, стоит тут, перед ним, стоит и светится…

– Я умею открывать тропы, - сказала она.

– Открывать тропы?

– Да, - она улыбнулась и приложила прохладную руку к его щеке, - помнишь, тогда, в вашем парке, на насыпи? Тропу можно открыть в любом месте, лишь бы на другом ее конце были деревья.

– Это ваша кэлпийская магия? - спросил он шепотом.

– Да, - кивнула она, - это наша фоморская магия. Ты избегаешь называть нас нашим тайным именем? Но у тебя у самого наше имя, маленький бард.

– Это случайность.

– Да, - согласилась она, - это случайность.

Колокольчики-тройчатки пахли так, что у него перед глазами плавали белые точки. Потом он понял, что это золотоглазки, они окружили его, их прозрачные бледные, крылышки трепетали у его век.

– Они всегда приходят, когда приходишь ты?

– Нет, - сказала она, - они всегда приходят, когда приходишь ты. Ты пел моим людям, я знаю.

– Да, - согласился он, - я спел им четыре раза. Один раз - песню битвы, другой раз - песню смерти, третий раз - песню хитрости и четвертый раз - песню славы.

– Как ты вырос, маленький Фома!

Он молчал. «Личинка вертячки, - думал он, - зов, который нельзя преодолеть…»

– Мне не следовало приходить сюда, - сказала она, - но я пришла. Что ты со мной делаешь, маленький Фома?

– Зачем я тебе? - спросил он хрипло. - У тебя есть твои воины.

– У меня есть мой бард… Наконец-то у меня есть мой бард. Я выбрала тебя и не ошиблась.

Она прильнула к нему, руки ее были точно две серебристые рыбки, они скользили по его телу, это было щекотно и сладко… Он отстранил ее, и ее руки в удивлении метнулись прочь.

– Сегодня я помогал воевать со своим народом. А человек из моего народа пытался убить меня.

– Это значит, ты становишься взрослым.

«Я взрослый», - подумал он и обнял ее. И она прошептала ему в ухо теплым дыханием:

– Ах, что ты со мной делаешь!

Он целовал ее волосы, они были теплыми и пахли мокрой лесной зеленью и белыми цветами, целовал ее маленькие уши, нежные, словно перламутровые раковины, целовал ее глаза, прикрытые бледными веками с синеватыми прожилками.

Руки ее заплелись у него на шее…

«Если я не скажу ей сейчас, когда я смогу это сказать? - подумал он в тоске. - Кому? Элата бы меня не понял. Ингкел бы презрительно скривился. Балор бы рассмеялся. Ни мертвым, ни живым… никому… только ей».

Он отстранился, по-прежнему удерживая ее руки, чтобы она не убежала далеко.

– Я бард, - говорил он, - я должен петь. Но сегодня я спел твоим, и погибли мои. Наверняка погибли… А кэлпи…

– Фоморы, - поправила она и сдула прядку, упавшую на лицо.

– Твои фоморы сидят, и пьют, и веселятся, но их всех убьют…

Им не выстоять против людей.

– Обними меня крепче, маленький бард, - прошептала она, - обними меня!

– Четыре песни я спел… у меня осталась только одна… только одна песня. Я больше не хочу петь о войне. Я хочу петь о любви.

– Я тоже не хочу говорить о войне. Я тоже хочу говорить о любви!

– Я хочу понять… Почему вы всегда воюете? Почему ненавидите нас?

– Но я люблю вас, - сказала она.

Он чуть не выпустил ее из рук.

– Что?

– Я люблю вас. Вы люди. Вы прекрасны. Ты прекрасен, маленький Фома, мой бард.

– Но твои воины…

– Мои воины не могут не воевать. Это их суть. Это их честь. Она повернула к Фоме прекрасное бледное лицо.

– Когда фоморов много, они воюют друг с другом. Когда их мало - с людьми.

– Нас тоже мало, - сказал он, - и кэлпи мало. Мы нужны друг другу. Вместе легче выжить. А мир жесток.

– Мы нужны друг другу, - согласилась она. - Иначе с кем мои воины будут воевать.

– Я сложу песню, - сказал он, - песню о любви. Я бард, я сумею прекратить войну. Я перевертыш, я человек и кэлпи, я все сразу, я сумею так, как никто до меня.

– Ты бард, - согласилась она, - ты мой бард. И мой любимый. Идем, идем со мной!

Она потянула его за руку.

– Ты появляешься и исчезаешь, - пробормотал он, - где ты находишься, когда тебя нет?

Она рассмеялась.

– Везде и нигде, как сейчас. Пойдем! Я открою тебе тайну, страшную тайну…

– О чем ты?

Она прижалась к нему тесно-тесно, охватила его руками и прошептала, щекоча ему ухо:

– Королева скоро умрет!

– Королева умрет? - переспросил он растерянно. - Почему?..

«Ты бард. Ты пил молоко королевы»…

– Она уже очень старая. Очень старая. Это ее последние подданные. Это неважно.

– Что неважно?

– Все. Все это. Пойдем, пойдем со мной. Ты сам увидишь…

Она вновь потянула его, белые пальцы едва смыкались на его запястье, запястье было широкое, а ее пальцы - крохотные и нежные, как у ребенка.

– Где ваши женщины? - зачем-то спросил он.

– Какие женщины? - она подняла тонкие брови. - Погоди, что это?

– Где? - насторожился он, потому что она задрожала и вновь припала к нему.

– Там… далеко… уже ближе… такое страшное! Он поднял голову.

Из-за горизонта катилась волна гула, волна рева, черно-багровая волна, она была точно прилив, грохочущий по Дельте, сметающий все на своем пути. Он поднял голову.

Страшные, грозные самолеты проплывали над ними, даже отсюда, снизу, они казались огромными, и брюхо у них было набито бомбами, точно рыба - икрой…

– Это с Суши, - сказал он. - Суша прислала самолеты. Суша не позволит, чтобы кэлпи нападали на нефтяные вышки. Никогда не позволит. Они не успокоятся, пока не истребят всех вас. Они будут разыскивать вас и убивать. И ставить ловушки. А я - единственный бард.

Она кивнула.

– Ты - единственный бард, - согласилась она, - мой бард. Ты сделал все, что мог. Все, что нужно. А значит, теперь я могу забрать тебя. Пойдем же. Мне страшно… Эти ваши страшные машины… Я заберу тебя в такое место, где их нет! Где тебя никто не найдет! У нас с тобой так мало времени!

Он покачал головой.

– Нет, - сказал он. - Я бард.

– Ты храбрец, - она провела ладонью по его лицу, прощаясь, - ты мой бард и ты храбрец. Когда устанешь воевать, просто садись в лодку… бард знает путь к запретному острову… только бард и знает его. Садись в лодку, вспомни меня, вспомни нашу поляну… И ты придешь туда. Только поторопись, королева умирает.

Она взяла его за плечи маленькими ладонями, повернула и легонько подтолкнула в спину.

– Иди, - сказала она. - Иди и помни - королева скоро умрет.

Когда он обернулся, поляна погасла… Не было ни цветов-тройчаток, ни золотоглазок… Только зелень и тьма.

«Такая прекрасная, - думал он, - нечеловечески прекрасная… вообще нечеловеческая.

Ее лицо в моих ладонях - точно полные ладони чистой холодной воды, в которой играет солнце.

Какую песню я спою ей, ах, какую песню!»

Черная фигура выдвинулась из тьмы, и он вздрогнул. Потом понял.

– Ты следил за мной, Ингкел?

– Я всегда слежу за тобой, - сказал Ингкел. - Так мне велел Элата.

– Элата мертв.

– Да, - согласился Ингкел, - Элата мертв. Но я жив. Быть может, ты вздумаешь бежать. Быть может, ты вздумаешь уйти к своим. Ты предал своих, предашь и нас.

– Я никого не хотел предавать, Ингкел. Это помимо меня. Но сейчас это не важно.

Они шли бок о бок по пустой тропе с погасшими цветами-тройчатками.

– Видел самолеты? - спросил Фома.

– Да.

– Будет война.

– Да, - сказал Ингел, - будет война. Мы все умрем.

– Ингкел, - терпеливо сказал Фома, - это война. Сначала они ударят с воздуха. Потом зачистят оставшихся. Никто не уйдет.

– Значит, мы умрем, - сказал Ингкел. - Спой нам. Спой нам песню сбора. Спой песню боя.

Он повернул к Фоме спокойное, улыбающееся лицо.

– Ингкел, они вот-вот ударят.

– Ты боишься? - Ингкел презрительно улыбнулся. - Я заслоню тебя своим телом!

Кэлпи в своем древесном убежище смеялись и переговаривались, заряжали самострелы и правили острия копий. Балор улыбнулся и помахал ему рукой.

– Мы зажгли огни, Фома! Мы наконец-то зажгли костры! Смотри, смотри!

Кругом в листве горели огни, почему-то цветные, словно фонарики на елке… Или это голоса и смех кэлпи окрасили их в разные света?

– Вы что, - спросил Фома, - с ума сошли?

– Но предстоит битва! Великая битва! А пока она еще не началась, мы проведем время в веселье и отваге, Фома! И ты споешь нам!

«Я человек, - думал Фома, - я понимаю то, чего не понимают они! И я фомор. Я знаю то, чего не знают люди. Я сумею. Я справлюсь. Надо только подобрать правильные слова».

– Я спою вам, - сказал он. - Передайте всем. Я спою. Только всем гнездам. Сразу.

– Это хорошая мысль, Фома, - одобрил Балор. - Соберемся все

вместе, пока нас не убили. Ты будешь петь о нашей храбрости?

– Я буду петь о любви, - сказал Фома. - О жизни и о любви.

– Наверняка, - сказал Балор, широко улыбаясь, - наверняка ты сложишь прекрасную песню!.. …Он плыл, закрыв глаза. Так почему-то было легче.

Легкое эхо от плеска волн о борта его лодки, от ударов шеста о воду, от шелеста листьев над головой соткало сложную картину из теней и света. Запретный остров под закрытыми веками казался четче, чем наяву - корзинка цветов и листьев, торчащая из воды. Он открыл глаза.

За спиной, точно поплавки, качались лодки, присоединялись еще и еще, выныривали из темноты, точно хищные остроносые рыбы - все фоморы из всех гнезд, сколько их было, собрались здесь послушать песню. «О боже, я и не думал, что их столько. Их же тысячи!»

И тут он услышал зов.

Зов был таким ясным и четким, словно кто-то окликнул его по имени.

Он осторожно шестом развернул лодку носом вдоль рукоятки Большого Ковша.

Лодки за его спиной тоже чуть развернулись, едино и слаженно, точно стая черных рыбок.

И он увидел остров. По сравнению с тем, что он себе представлял, он словно бы немного вырос. Вода вокруг него была чистая и спокойная. Он обернулся и увидел лодки кэлпи.

Дальше, за лодками, небо горело.

Больше ничего, только пурпурное небо, отозвавшееся у него в голове тяжелым медным звоном, но он видел. Горело изящное убежище кэлпи в плавнях, горели бревенчатые настилы и лесенки, рыбы всплывали белыми брюхами вверх, птицы носились по небу, точно пылающие лоскуты тряпья, ондатры выбирались на берег и безуспешно пытались отчистить слипшуюся шкурку, листья ивы сворачивались в бурые свитки, и прежде чем заняться пламенем, на них проступали огненные письмена на неведомом языке.

И катился в туче брызг, точно огромное блестящее черное колесо, в боли и ярости кусая себя за хвост, выпрыгивал из воды в тщетной попытке спастись страшный водяной конь.

Но здесь было тихо. Вода плескалась о белую полоску берега. Он обернулся и крикнул:

– Ждите здесь! Все ждите здесь!

И высоко поднял свою арфу, чтобы все увидели ее.

– А-а-а! - крикнули кэлпи и ударили древками копий в днища своих лодок. И только Ингкел, чья лодка шла бок о бок с лодкой

Фомы, крикнул:

– Куда ты нас привел?

– Туда, где нет войны, - сказал он и соскочил в воду. Вода завертелась у его колен, с чистого твердого дна поднялись облачка мути.

Он по-прежнему держал арфу высоко над головой, чтобы она была видна всем.

– Оставайтесь здесь! - крикнул он, и арфа ответила грозным рокотом. - Оставайтесь здесь. Я привел вас в убежище! Дельта горит!

– А-а-а! - закричал фоморы. - Ты умный и хитрый! Ты привел нас, чтобы переждать огонь! Они убили нашу Дельту! Нашу Дельту! Мы отомстим!

Он вновь попытался пересчитать лодки, но лодки плясали на воде, и он все время сбивался. Сколько их? Пятьсот? Тысяча? И в каждой - по двое кэлпи, и все собираются мстить!

«Ничего, - подумал он. - Я бард».

И тут он увидел ее. Она стояла на пригорке, поросшем бледной травой, и стайка золотоглазок вилась вокруг ее лица.

– Хорошо, что ты пришел, любовь моя, - сказала она тихо, но он услышал ее голос так отчетливо, словно он прозвучал прямо у него в голове. - Я позвала тебя, и ты пришел! Но зачем ты привел весь мой народ?

– Дельта горит, - сообщил он.

– Дельта горела не раз, - равнодушно ответила она.

– Но твой народ… он мог погибнуть. Никакой честной войны. Никогда не будет никакой честной войны, понимаешь?

– Честная война, - пробормотала она и подошла ближе, и он увидел, что ее трясет, и слезы повисли у нее на ресницах, - нечестная война… Какая разница сейчас?

– Что такое? - Он обнял ее за плечи, и плечи эти вздрагивали у него в ладонях.

– Королева умерла, - сказала она страшным низким голосом.

И зарыдала еще сильнее, так горько и бурно, что его рубаха стала мокра от ее слез.

– Все кончено, маленький Фома, все кончено… ах, как страшно… отпусти меня.

– Что кончено?

– Наше… не важно.

Он поставил ее на ноги, точно большую куклу. Она на миг пошатнулась, припав к его плечу, потом выпрямилась.

– Пусти меня, - сказала она чужим голосом. - Так или иначе, для меня все кончено. Для нас… Теперь я буду драться, а ты будешь петь. Иди за мной, маленький бард…

В ее нижних веках стояли слезы, скапливаясь, стекали по лицу, словно ртутные ручьи.

– А они? - он кивнул в сторону лодок, пляшущих на темной воде.

– Они будут ждать сколько надо. Никто не осмелится ступить ногой на берег запретного острова. Только бард.

Он разжал руки. Она пошатнулась, выпрямилась, обернулась, сказала: «Следуй за мной!» - и исчезла в зарослях. И он пошел за ней, по отпечатавшейся в песке цепочке следов, крохотных и узких, словно ивовые листья… …Стайка прозрачных золотоглазок, стражей острова, вилась возле его головы.

Здесь было свое время - когда он вышел на поляну, здесь, точно стакан, наполненный чистейшей водой, стоял рассвет. Он оглядывался, но ее нигде не было видно. Было темное кольцо, возвышающееся на поляне, плотное кольцо, словно бы деревья вдруг решили сойтись в круг, чтобы поговорить о чем-то своем, древесном.

На поляне, залитые утренним светом, стояли старейшины-фоморы.

«Господи, - подумал он, - это же чудовища… чудовища!»

От ужаса и удивления он чуть не выронил арфу.

Старейшие были темные, кряжистые, каждый выше Фомы на голову, руки, узловатые, как старые ветки, на плечах друг друга, ноги, узловатые, как старые корни, вросли в землю. Один обернулся к нему - глаза цвета ивовой листвы, расщелина рта открыта в мучительном усилии. И, содрогаясь от этого усилия, он сказал Фоме:

– Начинай!

Фома молчал. «Значит, и здесь своя война, - подумал он, - я думал, она только там, во внешнем мире. Но от нее не уйти».

Он взошел на пригорок и расчехлил арфу, старейшие стояли неподвижно, по-прежнему окружая нечто, желанное и недосягаемое…

Фома положил руки на струны и, когда арфа отозвалась глубоким вздохом, запел:

Умерла королева,
воины плачут,
зеленые ивы
клонятся долу,
тропою смерти
уходит сила,
нежность уходит
по острию дороги,

по лунной ленте,
по тайным тропам…

Он пел это и знал, что делает правильно. И не знал лишь одного - кому и на каком языке он поет.

– Ах-х-х! - выдохнули старейшие хором и расступились. Поляна поросла короткой густой травой; совсем как спортивная площадка у них перед школой, вспомнил Фома, и сердце у него неприятно заныло.

– Сестра-двойник, - прошептал Фома, и арфа ответила ему тоскливым звоном.

Потому что его принцесса стояла в круге, и еще одна там была, и она тоже была его принцесса. Обе - как два лесных ореха-двойняшки, как два цветка-первоцвета на одном стебле. Фоме стало жутко.

Две дочери-сестры обернулись к нему одновременно. Одна улыбнулась ему, другая подвязала волосы боевым узлом. Обе скинули платья и стояли обнаженные, точно белые башни.

– Ах-х-х! - вскрикнули старейшие, и ноги-корни поднялись и опустились в такт.

Фома вдруг понял, что им тоже страшно, что надо как можно скорее прекратить это невозможное, немыслимое раздвоение, и еще он понял, что прекратить его можно только одним способом. Он вновь запел:

Дочери-сестры
выходят на битву!
Печальная доблесть
ведет их к смерти,
кто уцелеет,
убив другую,
кому спою
песню привета?

Белые башни двинулись с места. Белые ноги, казалось, не приминали траву, чуть заметный зеленоватый отлив тел был точно мох на белом мраморе, точно отсвет зеленых листьев на воде… - Убей! - выдохнули старейшие. - Убей, убей, убей! Белая рука прянула вперед и ужалила соперницу в плечо.

Два лебедя
выгнули шеи,
щиплют друг друга,

схватившись насмерть,
самки-ужихи
сплелись друг с другом
в последней битве…

Фома пел, не зная, кому из них он поет, которой из них желает победы. Пустые лица, глаза, как серебряные монеты, крепко сжатые рты…

Одна начала заметно одолевать, ее руки ужалили соперницу в виски, метнулись к высокой шее, и Фома с ужасом ощутил, как захлестывает его чужое торжество и собственное облегчение. «Двум королевам не бывать», - подумал он…

И тут та, другая, вдруг обернула к Фоме лицо и улыбнулась через силу, печально и нежно.

«Вот она, - подумал он в тоске, - вот она, моя!» И арфа Амаргена, чужая арфа отозвалась на его тоску:

Восстань, любовь моя!
Убей подругу,
убей убийцу,
зеленым мхом
нашего ложа
я заклинаю, -
двум королевам
не место в Дельте,
тебе одной лишь
царить на ложе!

И каждый ее звук, казалось, вливал силу в его женщину, в его принцессу, отнимая у соперницы.

Его принцесса поднялась с колен, белые руки ее сомкнулись на горле соперницы.

Сильнее, сильнее, сильнее!- пела арфа Амаргена. Лицо той, второй, посинело, вздулось и опало, колени ее подломились, она вытянулась на траве, встрепенулась, точно серебряная рыбка, опять вытянулась и больше уже не двигалась.

– Ах-х-х! - вскричали старейшие в третий раз. Из распяленных ртов вырвался крик, этот крик понесся по Дельте и поднял стаю черных птиц, клевавших падаль в дальней затоке. И страшным эхом, полным тоски и боли, ответили ему воины в лодках. И, словно эхо этого эха, захлестнула Фому волна тоски и горечь утраты, ибо и погибшая соперница была прекрасна.

Он сошел со своего холма и старейшие расступились,

пропуская его. Там, где они стояли прежде, остались глубокие рытвины, пятна содранного дерна.

– Радостью было смотреть на тебя, - сказал он мертвой.

А его женщина плакала, стоя рядом. Он обернулся к ней, чтобы почтительно приветствовать новую королеву, но она продолжала плакать, точно девочка, дрожа всем телом.

– Зачем, - всхлипывала она, - ах, зачем! Твоя арфа…

– Моя арфа пела тебе, - сказал он неуверенно.

– Я готова была умереть, - она всхлипнула и вдруг отчаянным жестом закинула руки ему на шею.

Тело ее было мокрым и горячим, и он стоял в кругу старейших, не зная, дозволено ли ему обнять ее в ответ.

– Я не хочу быть королевой. - Ее лоб упирался Фоме в грудь, руки охватили шею так, что он едва мог дышать. - Не хочу…

– Но ведь… - растерянно сказал Фома. Он хотел добавить, что любит ее, что узнал ее, что жалеет ее соперницу, но рад ее победе. Но на плечо ему легла тяжелая рука с мощными корявыми пальцами.

– Они всегда плачут, - сказал старейший. - Каждая из них плачет. Так всегда бывает, о бард. Ты хорошо пел. Она хорошо сделала, что выбрала тебя. Узнать новую королеву без барда немыслимо. А теперь уходи отсюда. Это не для твоих глаз.

Он положил руку на плечо его королеве, и та испуганно вскрикнула:

– Фома!

Он рванулся к ней, но старейшие уже сомкнули вокруг нее плотное кольцо… -…Не мешай мне, Ингкел.

Фома отвернулся и сцепил руки на коленях. Лодка покачивалась на волнах, Ингкел сидел рядом с ним - ненависть может быть крепче любви.

Серая вода отражала небо, щебетала пичуга, но даже сюда тянуло гарью. Там, за спиной, лежали плавни, жалкие, обугленные, над теплой водой стелился черный дым…

Черные лодки на серой воде. Множество лодок. Он чувствовал на себе липкую паутину взглядов исподтишка. Он все-таки был их бард. И они на него надеялись.

«Вертячка, - подумал он, - в голове у кэлпи поселилась вертячка. Она гонит их на смерть, а они думают, что их зовут законы чести и битвы. Муравей, наверное, тоже думает, что его зовет что-то прекрасное, чему нет равного в муравьином мире…

Хромоножка, утверждая, что кэлпи просто животные со сложными инстинктами, либо говорил то, что ему велено, либо был просто глуп. Наверняка в Метрополии, на землях Суши, изучали кэлпи. Они же догадались, что такое для кэлпи барды! И

если найти таких людей, если попробовать поговорить с ними… Да, но именно эти люди дали приказ убить всех бардов кэлпи, превратив гордый народ в жалких курокрадов, в горстку мелких пакостников…

А значит, говорить с ними нет никакого смысла, они понимают кэлпи, но не любят.

Все дело в любви.

А теперь у кэлпи есть бард, и они опять почувствовали гордость, и эта гордость их убила. А если не убила сейчас, то убьет вскорости. Потому что кэлпи готовы к большой войне.

Я не кэлпи и не человек. Я перевертыш.

Я не взрослый и не ребенок.

Я мост.

Я бард».

Ингкел обернулся к нему, лицо сурово, тонкие губы сжаты.

– Ты все еще не доверяешь мне, Ингкел? - спросил Фома спокойно.

– Ты пел хорошо, - похвалил Ингкел, - я не стану врать. Ты хороший бард. Но почему я не доверяю тебе, о бард?

– Потому что ты любишь смерть, - ответил Фома, - а я - жизнь. Я хочу убить убийство. Вот разница между нами.

– Великая битва, - изрек Ингкел, - последняя битва. Ваша проклятая горючая грязь не будет больше отравлять нашу воду. Ваше железо Не будет ржаветь в нашей земле…

Он сел на скамью напротив Фомы, точно так же обхватив колени руками.

– Ингкел, я слышал, вы вовсе не потому воюете. Даже если бы люди не сделали вам ничего плохого, вы все равно убивали бы их в Дельте. Кто первый начал эту войну, Ингкел? Кто первым убил? Готов спорить, это были кэлпи.

Ингкел беспокойно пошевелился.

– Откуда ты знаешь?

– Догадался. Дочь-сестра сказала, вы воюете в силу обычая, вот и все. И тот, кто уцелеет, становится старшим.

Ингкел торопливо прижал пальцы к губам.

– Она говорила с тобой об этом? - спросил он невнятно.

– Да.

Ингкел уронил руку.

– Тогда ты и вправду бард, - сказал он. - Пой!

Вдалеке прилив гнал по Дельте гигантскую волну, но здесь слышался лишь отдаленный гул, словно где-то далеко садился на уходящую в плавни взлетную полосу грузный бомбардировщик.

Он расчехлил арфу и встал в лодке. Какое-то время он покачивался в такт волне, пытаясь найти свой внутренний ритм,

потом запел:

Пока вода над зеленой волной плещет
пребудет племя людей и племя кэлпи,
пребудет в мире!
Будут ласкать грозных воинов Дельты
белые королевы рода людского!
Каждый станет старейшим и даст начало
новому племени, коему равных не будет,
будут мужи людей ладить лодки,
будут мужи кэлпи ловить рыбу,
вместе потомство
будут они растить под солнцем Дельты,
правду реку я - каждому будет пара,
каждому будет слава,
есть у людей барды,
песни о мире,
песни любви, объятья, брачное ложе…
Каждый станет началом новому роду…

– А-а! - закричали кэлпи и ударили копьем о копье. «Лучшая моя песня, - думал Фома, - люди прекрасны; я люблю их, это мое племя, мой род, равного которому нету. И кэлпи полюбят людей и не захотят умирать, они полюбят жизнь, ковровая бомбардировка не истребила их, как ожидалось, люди вынуждены будут пойти на переговоры… Я сам пойду на переговоры, я буду мостом, посредником, ведь люди жестоки от отчаянья, от страха, а страха больше не будет…»

И ехидная улыбка Хромоножки всходила над этими мыслями, точно ущербный серп луны.

Я проклинаю битву, игрушку детей безумных,
больше ее не будет петь эта арфа,
только любовь в ее золотом уборе,
вот что достойно истинно взрослого мужа!

И маленький пакостник Роджер бегал кругами по детской площадке, крича: «Фома - кэлпи! Фома - вонючий кэлпи!» И качались во мраке на плоту, уложенные бок о бок, бледные, как личинки навозных мух, холодные, мертвые люди, и горели мертвые кэлпи, развешанные на наблюдательной вышке… Лодки кэлпи виделись смутно, словно сквозь радужный туман. «Это слезы - подумал он, - всего лишь слезы».

Но он продолжал петь, и арфа Амаргена стонала под его рукой:

Пять песен спел я -
песню битвы и песню смерти,
песню хитрости и песню славы.
Я спел песню королевы.
Эта - последняя.

И тогда он поднял арфу и ударил о колено, и она всхлипнула последний раз, точно прощая его.

– Я больше не буду петь! - крикнул он. - Я не буду петь битву! Это последняя моя песня!

– А-а-а! - кричали кэлпи, лица их с раскрытыми ртами казались странно одинаковыми, и ему стало страшно.

Ингкел один из всей толпы не кричал, но в глазах его стояли слезы.

– Это была замечательная песня, Фома, - сказал он. - Я сомневался в тебе. Прости. Ты лучший бард, что у нас был.

– Я спел песню мира, - вздохнул Фома, усталый и опустошенный. - Я все-таки спел песню мира.

– После такой песни воины ринутся в битву как водяные кони, - согласился Ингкел. - Такого еще никогда не было. Ты погляди на них!

– Но я не пел песню битвы, - слабо возразил Фома. - Я пел песню любви.

– Маленький мальчик, - нежно сказал Ингкел и поцеловал его в плечо, - маленький мальчик. Песня любви и есть песня битвы. Как можно убивать врагов, не любя их? И ты прав, что сломал свою арфу, - продолжал он, - такую песню невозможно повторить. Это вершина. Другие барды будут петь об этом столетиями…

И тогда Фома заплакал.

– Я маленький мальчик, - говорил он сквозь слезы. - Ты прав, Ингкел, я просто маленький мальчик. Что я наделал, Ингкел, что я наделал?

Но крики воинов заглушали его слова… …От лодок, плясавших на волнах выжженной Дельты, рябило в глазах. «Я сделал что-то ужасное, - думал Фома. - Она что-то сделала со мной тогда, я был маленьким и стал большим. Но не совсем большим. Я ничего не понял».

– Если бард поет, - сказал Ингкел, - это открывается всем. Новое знание приходит через барда. Ты пел про ваших дочерей-сестер. Это правда?

Фома пожал плечами. У них в классе было десять мальчишек

и тринадцать девчонок. Девчонок всегда больше. Это всем известно.

– И мы все сможем стать старшими?

– Я не знаю, Ингкел, - с тоской проговорил Фома. - Я пел не про это. Я пел про любовь. Ингкел, как объяснить, вот ваше племя… вот племя людей… я как мост между вами. Люди не могут выжить в Дельте, они слишком привязаны к своим машинам… а кэлпи не могут бесконечно воевать просто ради войны. Вы нужны друг другу.

– Ты пел именно об этом, маленький бард, - сказал Ингкел.

– Почему ты называешь меня так? Совсем как она.

– Потому что я люблю тебя, маленький бард, - Ингкел улыбнулся. - Ты спел прекрасную песню. Такой у нас еще не было.

– И поэтому вы идете воевать.

– Конечно, - сказал Ингкел. - Как же еще. Прекрасная песня, прекрасная битва.

Ночь была глухой и черной. «Кэлпи умеют вызывать тучи, - подумал он, - умеют приказывать ветру, умеют говорить с деревьями… И я так и не узнал, как это у них получается».

– Вы все погибнете, - сказал он, - и люди погибнут. Не все, но многие.

– Кто не погибнет, станет старейшим, - ответил кэлпи. - Таков закон. А у вас есть дочери-сестры.

«Вряд ли Доска похожа на дочь-сестру, - подумал он. - Или мать. Или маленькая сопливая Лисса».

– У людей нет дочерей-сестер, - сказал он безнадежно, - у них есть просто дочери. И сестры.

– Вы удивительное племя, - нежно сказал Ингкел. й воины в лодках, грозные воины кэлпи, застучали древками копий о днища лодок. И закричали:

– Веди нас, бард!

«Что я наделал, - думал Фома. - У меня больше нет арфы.

Но она, - подумал он, - она теперь королева, а королева может приказать. Нужно найти правильные слова для одного-единственного слушателя, а я - ее бард. Нужно найти слова любящего для любящей. И она прикажет остановить войну. Она королева. Она поймет меня». Он вновь сердито потер глаза. Черные точки лодок парили в мутной пелене.

«Это от слез, - подумал он, - это от слез…»

Он обернулся к Ингкелу.

– Я должен вернуться, - сказал он, - к ней. На остров.

– Бард не должен входить к королеве. Только к дочери-сестре. А новым дочерям-сестрам еще предстоит появиться.

– Оставайся в лодке, Ингкел, - велел Фома. - Я вернусь.

– Мы будем ждать тебя, маленький бард. Но не тревожь ее. Ты чужак, а я знаю, что говорю.

– Я бард, - сказал Фома и спрыгнул в воду.

Крохотные полупрозрачные мальки прянули в стороны от его сапог. Они уцелели и дадут начало новому рыбьему племени Дельты. Быть может, среди них крохотный водяной конь, как знать? Он ступил на прибрежный песок, и песок зашуршал под его ногой.

Золотоглазки вились вокруг его головы.

«Как странно идет здесь время, был день, а уже ночь. Быть может, я уже не могу отличить день от ночи? В плавнях такой дым…»

Зеленый туннель в ивняке на сей раз оказался низким и широким, своды его светились… Что-то перегородило ему дорогу. В этом зеленоватом сумраке ему потребовалось подойти совсем близко, чтобы увидеть, что это такое там лежит.

Это был мертвый старший.

Он лежал скрючившись и оттого казался меньше. Корявые руки судорожно сжаты, ноги-корни согнуты в коленях и подтянуты к бугристому животу - он был словно огромное взрослое насекомое, застигнутое морозом. Фома заставил себя прикоснуться к нему. Теплый, но это была теплота мертвого сухого дерева. Казалось, поднеси спичку - и он вспыхнет чистым белым пламенем. Неужели старшие тоже дерутся насмерть, здесь, среди цветов и изумрудных мерцающих светляков?

Он осторожно обошел тело.

Чуть дальше на тропинке, поросшей цветами-тройчатками, он увидел еще одного старшего, темную груду, щель рта разомкнута в последнем усилии, пальцы сжаты в кулаки, огромные кулаки, величиной с голову взрослого кэлпи.

– Остров, - сказал Фома, - это ты их убил, остров? Зачем?

Дальше он наткнулся еще на одного. Все, все старшие лежали здесь, точно мухи, застигнутые морозом, точно обломки дерева, выброшенные бурей на берег. Он шел дальше, обходя эти обломки, сопровождаемый стайкой золотоглазок, и там, в конце зеленого туннеля, устланного мертвыми телами, была она.

Она сидела на подушке зеленого мха, белая, светясь в зеленом полумраке.

– Ф-фома, - сказала она, и лицо ее исказилось в мучительном усилии.

Он молчал. Потом упал на колени и зарылся лицом ей в волосы.

– Любимая, - сказал он. - Королева! Что мне делать? Как спеть им мир? Как остановить их? Я спел им песню любви, и теперь они

собираются убивать врага, которого любят. Они убьют наших мужчин и возьмут наших женщин… Их тысячи, и они готовы к смерти. Я увел их от удара, а они теперь ударят сами. Там, на Территориях - мои отец и мать. Я видел ее, когда пел твоим воинам песню битвы, - она поседела. Я видел отца, его гложет предчувствие смерти. Если фомо-ры пойдут на приступ - погибнут все. Он умрет, моя королева. Все умрут.

– Неважно, - сказала она, - иди сюда.

И такая сила была в ее голосе, что в голове у него вспыхнул ясный, отчетливый, как песня, зов, и он не смог противостоять этому зову.

Он обнял ее, она была горячая и липкая, его ладони вдруг оказались в какой-то вязкой слизи, все ее тело источало вязкую слизь, и еще она была разбухшая, словно белая рыба, и она дышала часто, словно рыба, вытащенная из воды, и губы ее были круглыми и белыми, и силились вытолкнуть слова…

– Ф-фома, - сказала она, и глаза ее открылись. Они были пустыми и блестящими, словно два жестяных кругляша.

Он медленно поднялся.

– Прости меня, - сказал он, - я понял. Прости. Я не должен был сюда приходить. Но они погибнут, ты понимаешь? Они все погибнут.

Он, отвернувшись, вышел из зеленого сердца заповедного острова, и золотоглазки вились вокруг его головы… …Вода была теплой и воняла кипящим супом.

Его лодка шла впереди, и за ней следовали другие, грозно ощетинившись копьями, и в каждой - по двое-трое кэлпи. Вода была грязная, на поверхности собирались мертвые насекомые, клочья сажи, какие-то обгорелые комочки, он миновал огромную белую рыбу, плававшую вздутым брюхом кверху, плавники ее были растопырены, глаз не было совсем.

Дым стелился над плавнями, сбиваясь в комковатые серые облака, тут же выпадавшие бурым грязным дождем, на волне покачивалось растрепанное птичье перышко.

– Они пришли, чтобы убить нас всех, - сказал Ингкел. - Но мы живы. И когда умрем, наша смерть будет славной.

– Вы словно бабочки, летящие на огонь, - сказал Фома. - Почему вы так хотите умереть? Живите, дайте жить людям. Пришлите парламентеров.

– Кого? - удивился Ингкел.

– Вождей. Тех, кто будет говорить о мире.

– Ни один вождь не станет разговаривать с врагом. Какой же он после этого вождь?

«А если я убью себя, - подумал Фома, - они нападут? Или

рассеются по Дельте, будут прятаться, трусить, нападать исподтишка? Все равно это лучший выход. Для них и для людей. Я должен бы убить себя. Но я не могу. Я трус, я - словно кэлпи без барда. У меня нет песни. А ведь когда-то я мечтал о подвиге, о славной смерти, о том, что меня возьмут в плен, но я не уроню своей чести. О том, что меня будут пытать, но я не скажу ни слова».

– Ты мне веришь, Ингкел? - спросил он.

– Да, - сказал Ингкел, энергично кивнув головой в подтверждение своих слов. - Ты замечательно спел, я верю тебе, маленький бард. Я жалею, что поверил тебе не сразу. Если в тебя будут стрелять, я прикрою тебя своим телом.

– Тогда готовься. Мы пойдем вперед. Раньше всех. Быстрее всех.

Ингкел, казалось, удивился.

– Зачем? - спросил он.

Но Фома уже выпрямился в верткой лодке и махнул рукой авангарду, чтобы они повременили.

– Битва должна быть честной, - сказал Фома, - а люди хитры. Они могут выслать нам навстречу отряд. Отряд пропустит нас и ударит сзади. Мы оторвемся от остальных и поплывем вперед, так быстро, как только можем. Но поплывем тихо… Мы - разведчики, мы идем навстречу опасности, мы схитрим, чтобы битва была честной. Если мы встретим такой отряд, то ускользнем от него. И все узнают об этом.

– Бард для того, чтобы учить новому, - согласился Ингкел. - О таком не спел бы даже Амарген.

И он налег на шест. Их лодка рванулась вперед, задрав хищный нос… …Лодка скользила по поверхности воды, оставляя за собой темную полосу в парчовой густой ряске.

– Мы уже близко, - упредил Ингкел и поднял шест.

Лодка по инерции еще какое-то время двигалась, потом замерла. Слышно было, как вода плещется о борта.

– Впереди пустая вода, - сказал Ингкел, - никакого отряда нет.

– Ты уверен? - спросил Фома.

– Да, маленький бард. Я вижу смотровые вышки белоруких. Ах, какая славная будет битва!

– Я плохо вижу, - признался Фома, - словно сгущаются сумерки или слезы застят мне глаза…

– Но ты же бард, - согласился Ингкел. - С бардами всегда так. Они видят ухом…

– Ты хочешь сказать… - Фома запнулся.

– Ты будешь старшим своего гнезда. Ты будешь петь

королеве. Ты прекрасен. Она прекрасна. Зачем тебе глаза?

«Значит, я слепну, - думал Фома. - Я думал, это от слез. Я думал, это пройдет. Но это не пройдет… никогда. У меня осталось мало времени. Но я не убью себя. По крайней мере сейчас. Королева прекрасна? Кто ее видел? Только бард, а он слеп, как крот».

– А сам ты когда-нибудь видел королеву, Ингкел?

– Если я выживу, - сказал Ингкел, - если я не умру со славой и с честью… тогда я стану старшим. Я стану старшим и попаду на запретный остров и увижу молодую королеву.

– Только тогда?

– Только тогда. Но старших мало. Остальные всегда умирают. Так заведено, ведь много старших не нужно. Быть может, - сказал он задумчиво, - после того, как ты спел нам, все будет по-другому? Мы все станем старшими? Мы войдем к вашим женщинам и обнимем их. Ах, как хорошо ты спел про любовь, маленький Фома!

В подтверждение своих слов он поднес к губам кончики пальцев.

– Погляди, Ингкел, - сказал тогда Фома, - мне плохо видно, но я слышу какой-то шум в ивняке.

И когда Ингкел привстал в лодке, вытягивая шею, он поднял свой шест и с размаху ударил Ингкела по беззащитному затылку. Ингкел мягко осел, голова свернута набок, глаза открыты, и тогда Фома подхватил его на руки, пристроил его голову себе на колено и ладонью закрыл ему глаза.

– Я люблю тебя, Ингкел, - сказал он… …Он перегнулся через борт и положил Ингкела на воду. Тот мягко погружался на неглубокое дно, волосы шевелились, точно водоросли, руки и ноги, обтянутые рыбьей кожей, сквозь зеленоватую воду были сами как белые рыбы-ленты. Лицо его, просвечивающее сквозь зелень, было мирным и нежным. Потом над ним сомкнулась тьма.

Фома тихо запел:

Что за воин
лежит на дне,
ноги его в тени,
его голова в огне,
ныне, о воины Дельты,
настали черные дни,
я сам затворил ему веки,
кто позавидует мне?

Он взял охапку копий и высыпал их в воду; копья легли на

дно, взбаламутив ил, и он больше не видел лица Ингкела. Он ударил шестом, и лодка, которая стала легче на одного воина, рванулась вперед по нейтральной полосе чистой воды… … Наблюдательная вышка была защищена высокой сеткой из колючей проволоки. Прожектор на башне - точно круглая луна за пеленой туч, глядеть на него было не больно, а в голове вместо медного гонга звучал тихий звон разбивающегося стекла.

Словно падала и разбивалась ваза, красивая разноцветная ваза с Суши, которую он в детстве взял в руки, чтобы налюбоваться как следует, и не удержал.

Он, по-прежнему подняв лицо к прожектору, встал в лодке, расставив ноги, чтобы не упасть, и закричал:

– Эй, на вышке!

– Стой, где стоишь! - прокричали с вышки. - Кто ты такой, парень?

Прожектор чертил дугу света, открывая чужим взглядам одежду из рыбьей кожи, его собственную бледную кожу и волосы, подвязанные, как для битвы.

– Перевертыш! - сказал он.

Рядом раздался всплеск. Пуля ушла под воду, окруженная серебряными пузырьками. «Следующая уже не будет просто предупреждением», - подумал он.

– Сюда идут кэлпи, - крикнул он, и лодка плясала на волнах в свете прожектора, - много кэлпи! Объявляйте тревогу! Тревогу всем! Всем постам! Поднимайте вертолеты!

– Что ты врешь, парень! - крикнули ему с вышки. - Они сроду не нападали открыто. А вчера мы задали им такого жару, что они не скоро очухаются.

– Я говорю правду, - крикнул, захлебываясь слезами, маленький мальчик в нем. - Пожалуйста, поверьте! Сюда идут кэлпи, они всех убьют, их много, я сам видел…

– Я открываю ворота, - сказал голос. - Проходи, только быстрее.

Заскрипел ворот, и секция решетки поднялась настолько, чтобы в нее мог, пригнувшись, проскочить человек на лодке, и вновь опустилась.

Он зачалил лодку у подножия вышки; наверх вели железные скобы, они оставляли на руках следы ржавчины. «Сколько железа, - подумал он, - зачем столько железа, когда можно договориться с деревом?»

– Стой спокойно, парень, - сказали ему. - Руки за голову! Чужие руки быстро, профессионально обшарили его.

– Так и стой! Если ты вырос у кэлпи, они могли научить тебя всяким чудным штукам…

– Я бард, - сказал он, - бардов не учат убивать. Но сейчас сюда придут кэлпи, тысячи кэлпи, и каждый умеет убивать. Пожалуйста, свяжитесь с остальными постами, ну пожалуйста!

Один из дежурных пожал плечами и сел к рации. Фома видел только его спину и голову в венце наушников. Остальные по-прежнему держали Фому под прицелом.

– Я опередил их ненамного, - сказал он. - Они скоро будут здесь. И они готовы умереть.

– Это мы им обеспечим, - пообещал дежурный. Далеко за горизонтом взвыла первая сирена, вскоре все пространство вокруг оказалось пронизано их ядовито-желтым пунктиром.

– Ну вот, все в порядке. Объявлена общая тревога. Почему ты плачешь, парень?

«Я дважды предатель, - думал Фома, - сперва, потому что я пел для них, а теперь, потому что убиваю их. Но лучше так… потому что они самоубийцы, они готовы умереть и умрут, но мой отец останется жив. И никто не примет мою маму за дочь-сестру».

Внизу к шуму волн примешался грозный крик наступающих кэлпи.

Отсюда он казался бледно-красным, точно размазанный след светлой артериальной крови.

– Ты был прав, парень, - удивленно сказал дежурный. - Никогда такого не видел!

Он был еще очень молод и родился уже после последней войны.

– Да их тысячи!

– Все кэлпи Дельты! - согласился Фома. Он отчаянно тер лицо, горевшее от слез и стыда.

– Погодите! Я хочу с ними поговорить!

– Ты хочешь пулю, - уточнил молодой дежурный.

– Нет! Дайте мне мегафон. Я попробую остановить их. Я бард.

– Какой еще на хрен бард? Что ты несешь, малый?

– Я их бард! Они не могут воевать без меня.

– А ты, значит, от них сбежал. Ну-ну… Я такого наглого вранья еще в жизни не слышал!

– Дай ему мегафон, Янис. Пускай попробует, - вмешался тот, что постарше, - сдается мне, что большого вреда от этого не будет. Может, он разбирается в этих жабах. Сколько ты с ними прожил, малый?

– Не знаю, - сказал Фома, - там все непонятно.

Он принял теплый мегафон и свесился с наблюдательной вышки. Прожектор очерчивал только его силуэт, и он боялся, что кто-то из кэлпи пустит в него копье прежде, чем узнает его.

– Стойте! - закричал он, и голос его распахнулся над водой

веером лилового эха. - Стойте, воины Дельты! Я ваш бард! И я не буду петь эту битву!

– А-а-а! - было ему ответом.

– Говорю вам - уходите! Эта битва не для вас! Эта битва будет последней!

– А-а-а!

– Бард! - разобрал он среди ритма, выбиваемого древками копий. - Бард!

– Битва! Последняя битва!

– Что-то ты не то говоришь им, парень, - с сомнением в голосе произнес тот, что старше.

– Нет! - в ярости завопил Фома, собрав последние силы. - Я ухожу от вас! Тогда я больше не ваш бард! Я буду петь людям! Не вам!

– Какая разница, кому поет бард? - крикнули снизу, совсем близко. - Главное - он поет.

– А-а-а! Бард! Битва! Последняя битва!

Лодки придвинулись еще ближе, кэлпи попрыгали на решетку, некоторых свела судорога, и они повисли, точно черные муравьи, но другие, размахивая копьями, карабкались по проволоке вверх, оставляя на остриях колючек клочья рыбьей кожи и плоти.

– Ты уж извини, парень, - сказал тот, что старше. Он неслышно подошел сзади и прикладом автомата ударил Фому по голове.

***

– Не ставьте ему больше выпивки, - сказал хозяин винарни. Он хорошо относился к Фоме, потому что тот был чем-то вроде местной достопримечательности, а у каждой приличной винарни должна быть местная достопримечательность. - А то он опять заведется. Он уже спел одно и то же по второму кругу.

– Брось, Юхан, - сказал посетитель, - твой гроб с музыкой еще хуже. Ты когда еще обещал обновить его?

– Завтра Суша обещала самолет с грузами, - сказал Юхан. - Будут вам диски. Я заказал Монику Лали. И «Маленьких зеленых кэлпи». Знаешь Монику Лали?

– Да, - сказал посетитель, - и «Маленьких зеленых кэлпи» тоже.

Мы крутые зеленые парни, мы вчера погромили винарни… как-

то так… наши девки зеленые мавки… жабки?

– У кэлпи не было женщин, - сказал Фома, - только королева. И две дочери-сестры. Всегда две. Когда королева умирает, дочери-сестры выходят на битву. Одна убивает другую. И делается королевой. И вскоре рожает двух дочек, они же прекрасные сестры… назначены ей на замену.

– Опять за свое, - проворчал трактирщик, - хватит, Фома. Ты уже всем плешь проел этой королевой.

– Королева прекрасна, - не унимался Фома, - точно белая рыба.

– Да, - согласился Юхан, - исключительная просто красота. Хватит, Фома.

– Каждый мечтает о королеве. Каждый, кто выжил. Ибо в тот миг, когда дочь-сестра становится королевой… избранные могут приблизиться к ней… и это радость, которой нет равных.

– Можно подумать, ты ее отымел, - сказал Юхан. - Хватит врать, Фома. Признайся, что врешь.

– Вру, - согласился Фома, водя пальцем по мокрой стойке. - Только и вы врете, жабы. Кэлпи вовсе не были смешными зелеными уродцами. Кэлпи были воинами. Грозными гордыми воинами. Кэлпи умели высвистывать ветер. Заклинать месяц. Дельта расцветала от их дыхания… а не была грязной и зловонной, как сейчас, нет, не была!

– Раньше и трава была зеленее, - согласился Юхан, - и вода слаще. Понятное дело. А знаешь почему, Фома? Потому что мы были молодые, сильные и здоровые. И мир был полон чудес. Я же помню, как мы играли в кэлпи. И ты знаешь, Фома, когда мы играли, иногда начинало казаться, что вдруг… Не знаю, как сказать… я не силен в словах, не то что ты! Что чудо очень близко, одним словом… руку протяни и сорвешь его.

– Ну ты даешь, Юхан, - сказал посетитель, - сроду бы не подумал… Кстати, - добавил он задумчиво, - раньше и вправду вода была слаще…

– Это потому, что ее лелеяли кэлпи, - сказал Фома. - Грозные кэлпи. Нежные кэлпи.

– Ну вот, опять завелся, - сокрушенно сказал Юхан. - Хрен знает, что они сотворили с ним, эти жабы. Пора домой, Фома. Ты найдешь дорогу? Ночь ведь уже.

– Мне что ночь, что день, все едино, - Фома обратил к нему затянутые жемчужной пленкой глаза.

«Я обманул их, - думал он, пробираясь к выходу, - я обманул их… Я пел им о красоте королевы. Я пел, чтобы поселить у них в душах тоску о чуде. Но где-то там, где нет времени, куда не дотянутся ваши руки, ваши ружья, языки вашей нефти, где-то

там, в дебрях запретного острова, который везде и нигде, лежит она, огромная, разбухшая, бессловесная, с маленьким белым лицом, с пустыми глазами, и рожает… рожает… и две дочери-сестры, так похожие на ту, какой она была когда-то, принимают роды. И старейшины-фоморы, те, кто уцелел в последней битве, лелеют новый приплод… и, о королева, моя королева, я знаю, я знаю, что у некоторых твоих детей будут русые волосы и светлая кожа… как у меня, как у меня… И им не нужен будет бард, чтобы спеть, потому что они сами могут сложить себе песню.

И рано или поздно им окажется тесно на запретном острове, и они вновь выйдут в Дельту. И дочери-сестры с ними, чтобы учить их, чтобы пестовать, чтобы отбирать новых старейших, будущих отцов нового приплода…

И новое воинство будет грознее прежнего… и так будет, пока не исчезнет разница между кэлпи и людьми…

Я сделал все, что нужно. Песня сложилась.

И быть может, я еще успею обнять ее, молодую, обновленную, ее копию, ее сестру, в сущности - ее саму. Ибо все королевы - в сущности одна королева.

Ведь время на запретном острове выкидывает странные штуки».

2008